

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Василий Лебедев

УТРО МОСКОВИИ

Школьная библиотека (Детская литература)

Василий Лебедев

Утро Московии

Издательство «Детская литература»

1976

Лебедев В. А.

Утро Московии / В. А. Лебедев — Издательство «Детская литература», 1976 — (Школьная библиотека (Детская литература))

Роман Василия Алексеевича Лебедева посвящен России, русским людям в тяжелейший после Смутного времени период начала XVII века. События романа происходят в Великом Устюге и Москве. Жизнь людей разных сословий, их работа, быт описаны достоверно и очень красочно. Писатель рисует интереснейшие портреты крестьян, кузнецов, стрельцов, а также царя Михаила Романова, патриарха Филарета, членов Боярской думы, дьяков и стряпчих приказов. Главные герои книги — семья устюжан Виричевых, кузнецов-умельцев, часовых дел мастеров, трудолюбивых, талантливых и пытливых. Именно им выпала труднейшая задача — создать грандиозные часы с колоколами для боя на Флоровской (теперь Спасской) башне Кремля. Для среднего и старшего школьного возраста.

© Лебедев В. А., 1976
© Издательство «Детская литература», 1976

Содержание

От автора	6
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	35
Глава 9	43
Глава 10	47
Глава 11	53
Глава 12	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Василий Алексеевич Лебедев Утро Московии

© Лебедев В. А., наследники, 1976

© Лаврухин Ю. Н., иллюстрации, 1976

© Поляков Д. В., рисунок на переплете, 2012

© Оформление серии. ОАО «Издательство «Детская литература», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

От автора

Начало XVII века явилось для России началом нового времени. Освободительная война 1612 года пробудила и вызвала к жизни все лучшее, что народ сохранил и пронес через века иноземного гнета. Национальное самосознание, чувство Родины и нелегкий, всеобъемлющий труд – вот источники жизненной силы русских людей.

Семья Виричевых из древнего русского города Устюга Великого – достойные представители своего народа. Это главные герои романа. Да кому же и быть героями, как не им? Ведь это они были призваны царем «на Москву», это они отлили, отковали и установили на Флоровской (ныне Спасской) башне Кремля первые бойные часы. Образы старика Виричева, его сына и внука, этих чудо-мастеров «часовой хитрости», не вымышлены автором. Эти люди жили четыре столетия назад, постигнув тонкую иноземную науку – часомерье. Суровая в отборе, но неизменно благодарная народная память сохранила нам их имена.

Рядом с Виричевыми на страницах книги живут и трудятся их современники: Андрей и Анна Ломовы, колокольных дел мастер Степан Мачехин, искусный мастер изразцовых плит Пчёлкин. Не может не тронуть читателя и судьба великого пушкаря Андрея Чохова, отлившего Царь-пушку.

Исторический роман «Утро Московии» – мост в прошлое. Пройти в это прошлое, отыскать в нем интересных людей, гордость земли нашей, услышать их язык, прикоснуться к их образу мыслей, вынести из глубины веков что-то важное и нужное для современности – вот главная задача, что стоит перед писателем-историком. Как решена эта задача в романе, судить тебе, дорогой читатель.

Часть первая

Глава 1

Лето в том году настроилось в Великом Устюге не сразу. С весны надолго загостились холода. По ночам даже в мае все еще прихватывали заморозки, днем зависали мелкие, как туман, дожди, а с Ледовитого моря накатывало и накатывало стылую сырость. Дороги на Тотьму, на Вологду разбились, разухабились, да и окрестные проселки размякли настолько, что если приходилось запрягать, то стыдно было мужику перед лошадей.

И вот в эту-то расквашенную пору, когда на дорогах ни ямщика, ни богомольца, когда вся жизнь города купнулась на высоком левом берегу Сухоны, во фряжском ряду¹, когда гостей ждали только с моря на кораблях иноземных, вдруг с другой стороны, из Москвы, прибыл начальный человек с грамотой. Крытая лосиными кожами ямская² колымага³ протащилась по Монастырской улице, свернула в переулочек, выехала на набережную и остановилась у воеводского дома.

Ни лошади, ни ямщик не шевелились в первые мгновения, все еще не веря, что это конец пути. Но вот медленно откинулся полог, и заалели атласными вершками стрелецкие шапки. Позванивая кривыми саблями, кряхтя, молясь и поругиваясь, стрельцы толкнули в спину ямщика и следом за ним тяжело спрыгнули на землю. Тут же показалась голова стряпчего⁴ Коровина. Трехнедельная дорога повыветршила из него московский жир: опал живот, щеки ямами ныряли под бороду, появились под глазами желтоватые мешки... Да-а, велика Русь, нелегка по ней дорога!..

«Вот он какой, Великий Устюг!» – думал стряпчий Коровин, держась одной рукой за поясницу, второй за колымагу, – он еще не доверял ослабевшим ногам.

За глухими заборами еще бухали собаки, растревоженные неожиданной подводой, и все гуще становились грачиные стаи над просечной паутиной колокольных крестов. На набережной и в переулке, как и по Монастырской улице, по которой они только что проехали, тянулись

¹ *Фряжский ряд* – иноземные лавки.

² *Ям* – почтовая станция в России XII–XVIII вв., где содержали разгонных ямских лошадей. Ямы располагались на расстоянии 43–53 км друг от друга.

³ *Колымага* – тяжелая закрытая четырехколесная повозка.

⁴ *Стряпчий* – в XVI–XVII в. придворный чин, чиновник приказа.

сплошные заборы, где зеленея, где серебрясь лишайником старых тесаных полубревен. Выходили из ворот посадские люди, с тревогой смотрели на приезжих, не снимая шапок.

– Ну, приехали! – оглянулся стряпчий на стрельцов.

Пока ямщик переговаривался с дворовым человеком через щель в заборе, стряпчий и двое стрельцов опальных повернулись в сторону Михайло-Архангельского монастыря и молились на высокий деревянный шатер соборной колокольни. Потом все трое – посыльный впереди, стрельцы следом – медленно прошли через отворенную для них калитку. В широкие тесовые ворота, шитые железом, была пропущена и колымага, так что враз набежавшая толпа устюжан уже ничего не могла увидеть. Мальчишки и молодые мужики, пошаркав обувкой по прошлогодней траве, вставали друг другу на плечи, заглядывали через плотный, утыканный сверху коваными гвоздями бревенчатый забор, но и они ничего не могли сообщить стоявшим на дороге. На дворе пусто – ямщик да грязная колымага с лошадыю.

– Эй, Москва! Чего наехали? – кричали ямщику.

– Не войну ли в пристяжке⁵ привели?

– Эй! От государя или от владыки?

Но ямщик, обалдевший от тряски, не шевелил языком. Молча распрягал лошадей, в изнеможении уткнувшись головой в грязный круп лошади.

– Не внемлет, что порченой!

– Да не дознаться от него: приневоленной он, из Вологды! – подсказывали с дороги.

– Эй, яма! Ты порченой?

Но в ответ только залились собаки.

– Отстаньте от убогого!

– Ямщик-то убогой? – повторил кузнец Чагин. – Это ямщик-то убогой? Да он не сосчитать сколько рублёв⁶ царского жалованья ежегодно имать не устает!

– Да прогонных два алтына⁷! – крикнул дьячок Кузьма Постный.

– Это у них – «хлеб с маслом»! Это пускай! – махнул Чагин длинной ручищей.

– Это все ничего, – вмешался Степан Рыбак, раскоско кинув по толпе взглядом. Глаза его, татарской темью заволоченные еще в седьмом колене, когда предки Рыбака жили под Муромом, уставились в лицо Чагина. – Это ничего! Ямщики волей богаты! Волей! Ни податей, ни тягла⁸, ни мыта⁹ с земли не платят в казну.

– Смотрите! Смотрите! Покровец-то на лошади – дорогой! Вона как! – крикнул мальчишка, висевший на заборе.

В воеводских хоромах, в верхнем жилье, загудели голоса. Тотчас внизу, в подклети¹⁰, хлопнула дверь, и воеводский конюх Аким без шапки, в расстегнутом зипуне кинулся из калитки мимо набухавшей толпы.

– Акимка! Эй! – хотели остановить и расспросить его.

Но конюх скатился по скользкой круче берега, отвязал лодку и, борясь с течением, погнал ее на ту сторону.

– Стрельцов звать, – догадались в толпе.

В Дымковской слободе Аким нашел только троих стрельцов, остальные попрятались от неожиданной службы. Приплыли каждый на своей лодке – в шапках с алым заломом, в длин-

⁵ *Пристя́жка* – лошадь, запряженная сбоку от оглобелей для помощи коренной лошади.

⁶ *Рубль*. – На протяжении XVI–XVII вв. рубль составлял 100 копеек, но не чеканился, то есть оставался счетной единицей. Монет в один рубль не было.

⁷ *Алты́н* – старинная русская монета. В XVII в. составлял 3 копейки.

⁸ *Тя́гло* – налоги в пользу государства, которые несли тяглые люди – крестьяне и посадские люди – основная масса населения.

⁹ *Мы́то* – пошлина, таможенный сбор за провоз товаров; *мостовое мы́то*, *мостови́щина* – пошлина за проезд по мосту.

¹⁰ *Подклéть* – нижний нежилой этаж деревянного или каменного дома.

ных, выцветших, залатанных кафтанах, – лениво поплелись вверх по берегу и только у самого дома воеводы прибавили шагу и расторопно заняли свои места. Двое – на воеводском крыльце, третий – у ворот. Потом пришел еще один, десятник, тоже с саблей, но вместо самопала он, как и положено десятнику, держал в руке новехонький протазан¹¹. Он закрывал свою лавку и был недоволен и своим опозданием, и неурочной службой, и толпой.

– Эй, десятник! Берендейка-то¹² у тебя поистлела! – с издевкой крикнул Рыбак, отступая как раз настолько, чтобы стрелец не достал его копьем.

Уже четвертый год стрельцы в Великом Устюге не получали царского жалованья. Ждали на Пасху денег или хотя бы по портищу¹³ законного сукна, но и его не пришло, а шить из покупного не повелось.

– А воротник-то у кафтана повис, как свиное ухо! – издевался Рыбак, подбоченясь. Он стоял в круглой, отороченной бараньим мехом шапке и в одной нательной однорядке¹⁴, но зато все еще не снимал зимние, на меху, порты.

– А ну разбредайтесь по избам! – не отвечая Степке Рыбаку, сразу на всех набросился десятник.

– Десятник! – вмешался Чагин. – Узнал бы лучше, чего нам ждать – лиха или добра, чем гнать-то нас.

– Ничего никому не ведомо! – ответил стрелец.

Он затравленно смотрел на Рыбака и толпу, стыдясь своего заношенного кафтана и злясь на тех, московских, присланных сюда на три года хоть и с опалой, но в столичном платье.

– Эй, десятник! Не пожалей серебра – тряхни калитой¹⁵ да купи у московских новый кафтан, вот и будешь, как петух, наряженный! – крикнул опять Рыбак, и толпа на этот раз поддержала его хохотом.

Стрельцу и самому понравилась эта мысль, но он ответил:

– Купить никому не заказано.

– Так чего же ты не купишь?

– Потому что не обычай тому есть и не повелось!

Второй стрелец молчал, сначала хмурился для порядка, а потом отставил свой бердыш¹⁶, прислоня его к забору, достал из кармана пригоршню глиняных петушков-свистулек и начал торговать по алтыну пяток.

А толпа все росла. Оставляли дело и подходили кузнецы, деревянного дела умельцы, косторезы, гончары, мастера серебряного дела, плотники, люди селитряных и серных промыслов, монастырские хлебопеки. От пристани хлынула толпа зевак, любителей пощупать иноземные товары. Робко подходили крестьяне окрестных деревень, пришедшие по неотложному делу поминок и крестин.

Со всех папертей как сдуло нищих. Завыли, запели юродивые. Мальчишки с гиканьем, свистом, увертываясь от подзатыльников, сновали повсюду, бросались грязью.

В воеводской подклети открылось волоковое окошко¹⁷ – отодвинули внутренний деревянный ставень, и сразу дохнуло на улицу вареным мясом, жареным луком, кореньями. Заскулили, завыли голодные собаки.

¹¹ *Протазан* – колющее оружие, разновидность копья. На древко длиной 2,5 м и более насаживался длинный широкий и плоский металлический наконечник.

¹² *Берендейка* – кожаный ремень, надетый через левое плечо, на котором висели принадлежности для зарядки ружья.

¹³ *По портищу* – по куску.

¹⁴ *Однорядка* – верхняя широкая долгополая женская и мужская одежда без воротника, с длинными рукавами, под которыми делались прорехи для рук.

¹⁵ *Калита* – кошелек.

¹⁶ *Бердыш* – старинный серповидный топор на длинном древке.

¹⁷ *Волоковое окошко*. – В русской избе снизу вырезали в двух смежных бревнах небольшое окошко и «заволакивали» его

– Обедать будут! – ошалело выдохнул дьячок Кузьма Постный, изо всех сил упираясь ногами, чтобы людская стена не накатила его на стрельцов.

А те уже заволновались:

– Куда жмешь! Куда!

– Разбредайся! – остервенело потрясал десятник протазаном, вновь замахиваясь на народ. – Заколю не на живот, а на смерть!

– Забоец! Перед людом – аки лев, а как на войне – так хуже козла! – закричал Кузьма.

Толпа захохотала и разом смолкла: в воеводских хоромы отворилось резное окошко – блеснула слюда на солнце, и показалась сначала рыжая борода воеводы, потом – голова и плечо. Малое окошко не давало пролезть тучной фигуре, но воевода изловчился – принагнулся, протиснулся, и вот уж зажелтели золоченые завязки кафтана.

– Эй, люди! В воскресенье, после обедни, будет вам сказан царский указ! Весь без утайки! Разбредайтесь по домам, а не то... – И убрался обратно тяжело, цепляясь воротником кафтана, руками за подоконник и косяки резного окошка.

Первым из толпы кинулся тюремный сторож Елисей; у него среди колодников сидел страшный разбойник Сидорка Лапоть. За сторожем заторопились лавочники – рядные сидельцы, кабатчики. С тяжелой думой возвращались к своим горнам кузнецы, и через несколько минут уже раздавались на Пушкариxe удары молотов, но основная масса осталась. Посадский народ, пригородные крестьяне и прочий тяглый люд, коих весна еще не привязала к делу, толпой двинулись по набережной, схлынули в переулок и направились к съезжей избе – расспросить избяных сидельцев.

Глава 2

Губные старосты¹⁸, увидев толпу, закрылись в избе вместе с подьячим Онисимом Зубаревым.

Кузьма Постный предводительствовал. Он первым взошел на крыльцо и постучал, но никто не отворил дверей.

– Да ты гораздо стучи!

Кузьма постучал сильнее, но никто внутри не подавал признаков жизни.

– Ничего, подождем. В нужник захотят – скоро выйдут! – подмигнул толпе Кузьма.

А в толпе только и разговору было, что о царском указе. Кто-то выкрикнул, что снова поднимается смута на Руси. Другой – что война. Предположения одного тут же перерастали в слухи многих, слухи походили на истину.

В это время Кузьма крикнул так, что сразу привлек к себе внимание:

– Польский король назвал себя государем всея Руси! Нашему государю претерпеть сего немочно!

– Владыко, патриарх, не желает их латынской веры! – тотчас поддержали Кузьму.

– Ну и чего? – спросил кузнец Чагин.

– А того, что государь теперь собирает под свою государеву руку все отчинные города свои, что были во владении Ивана Васильевича Грозного! А чтобы Литву и Шведа воевать, войско нужно многолюдно и оружно!

– Знамо, нужно: без войска не отгредишь! – крикнул Рыбак.

– Теперь по всей Руси снова пойдут людские поборы. А где войско? Дворяне стали малолюдны, пеши, неоружны и малопослушны, на них у царя-батюшки надежда худа.

– Ну и чего? – опять спросил Чагин, напряженно морща темный лоб, в черных накрапах отскочившей из-под молота окалины.

– А и того, что будут брать ныне по мужику с дыма!¹⁹

– По мужику с дыма! – охнула толпа.

И не было тут человека, у которого не дрогнула бы душа, да и не диво: уходить мужику от земли, уходить весной, когда самая работа, когда зима подчистила, подмела все сусеки, все сенники, когда изморенная за долгую зиму скотина стоит в ключьях не вылинявшей от бескормицы шерсти, ждет весны, суля человеку возрождение жизни, сытость.

– Этак всех христиан поберут – по мужику с дыма! – прогудел Чагин. – И все потому, что король царем нашим назвался? Да ну и пусть его!

Тут вывернулся к крыльцу Рыбак и, не поднимаясь на ступени, сказал, запрокинув голову:

– Нет, Чага, тут не в названии муть. Тут в другой воде каша заваривается...

– В какой воде? – спросил Чагин, набычась с крыльца.

– А вот в какой, люди добрые! – Рыбак поднялся на одну ступень и повернулся к народу:

– Эй, Андрюха! В каком я году у тебя сёдла чинил, когда на Москву обоз наряжали? А?

– Да уж четырнадцать лет тому! – подумав, отозвался шорник²⁰.

¹⁸ *Губной староста*. – Слово «губа» в русском праве означало «волость» или «ведомство». Губной староста выбирался из дворян и детей боярских для суда по разбойным делам.

¹⁹ *По мужику с дыма* – здесь: с хозяйства.

²⁰ *Шорник* – специалист по изготовлению конной упряжи.

– Во! Как раз быть в тот год смуте. И вот пришли мы семужьим обозом на Москву. Только семгу в рядах раскупили – на тебе: царя убили! Такая гиль²¹ поднялась, что царев престол опрокинуло!

– Ну и чего? – спросил Чагин.

– А то, что неизвестно, кого убили!

– Известно: вора, – заметил Чагин. – Гришку Отрепьева!

– А ты там был? Не был, так и слушай. Я в тот час, когда его вытащили из Кремля, торговал напротив Никольских ворот. Как это началось, я и говорю мужикам: «Сворачивайте рогожи, везите рыбу за Земляной вал, не то все растащат!» Сказал, а сам – в толпу и вижу...

– Чего видишь? – спросил опять Чагин.

– А вот чего. Тащат за ногу того вора, положили на стол посреди площади, а к нему привязали ногу дружка, Басманова²², тоже покойника. Ну так... Боярин на коне подъехал, сунул в рот покойнику рожок. «Поиграй, – говорит, – такой-сякой!» И уехал. Народ потолкался да и поредел, а я подхожу поближе...

– Ну?... – Толпа качнулась к самому крыльцу и замерла.

– Подхожу и вижу: убили-то не царя!

– А кого же? – спросил Кузьма Постный.

– Не знаю кого, только не царя.

– А царь?

– А царь, видать, скрылся тогда.

– Постой, постой! – замахал руками Чагин, желавший, как всегда, полной ясности. – А как ты узнал, что там лежал не Дмитрий-царь?

– Этого только слепой не уразумел бы. Когда тот лежал на столе посередь площади, у него был волос нечесан, пальцы грязные и ногти длинные на ногах! А теперь, – сказал Рыбак, поразив всех своим рассказом, – теперь скажите мне: может быть у царя нечесаный волос, грязные пальцы и длинные, как у мужика, ногти?

– Не может! – твердо сказал Чагин.

– Так вот теперь и помыслите, люди добрые, кто снова идет своего маестату²³ требовать...

Дверь из съезжей избы приотворилась – выглянул подьячий Онисим Зубарев. Посмотрел, повел сизым, отмороженным ухом.

Стало тихо.

– Вы тут гиль-то не разводите! А ты, Рыбак, зело много знаешь... А ты, Кузьма, вместо молебствования гилевщикам прямишь?

– Я-а? – ощерился Кузьма. – Я – вот те крест святой! – за веру голову сложить готов! А вот ты, Онисим, через женитьбу на дочери воеводской ныне в съезжей избе сидишь, на всех сверху глядишь да своеволие творишь, яко татарин!

– Уймите его! – распахнул дверь Онисим. – Это я ли вам, православные, не прямил? Я ли не радею для вас?

– Верим тебе, Онисим! Верим!

Кузьму оттеснили и забыли о нем. Все потянулись к подьячему.

– Помогите нам, Онисим, век не забудем добра твоего! Скажи: чего нам делать, чего ждать?

Онисим Зубарев молчал. Всем казалось, что он обдумывает, что ответить, но он смотрел через головы людей в переулок, по которому бежал стрелецкий десятник. Не дожидаясь его, Зубарев повернулся с порога и громко сказал внутрь избы губным старостам:

²¹ Гиль – бунт.

²² Басма́нов Петр Федорович (?–1606) – боярин и воевода. 7 мая 1605 г. перешел на сторону Лжедмитрия и вошел в его правительство. 17 мая 1606 г., во время восстания москвичей, был убит.

²³ Маестат – трон.

– От воеводы бегут. Поторапливайтесь!

Подьячий Зубарев и трое губных старост торопливо заперли съезжую избу на висячий замок и прошли сквозь толпу.

– Онисим, нас не забудь, кормилец! – зывали вслед.

– В долгу не останемся! – крикнул Чагин.

Зубарев не оглянулся. По переулку еще несколько раз мелькнули стрельцы, конюх Аким и несколько человек воеводской дворни. Они стучали в дома дворян, стрелецких начальных людей, пятиконецких старост²⁴, в ворота монастырей – весь высший круг Великого Устюга созывался на обед к воеводе и на ознакомление с царским указом.

Толпа сиротливо притихла.

– И почто человека доброго разобидели?.. – вздохнул Чагин.

– Да, да. Пошел и отповеди не дал никакой, – с горечью поддержали из толпы.

– А чего с него толку! – поднял было голос Рыбак, но Чагин тотчас его перебил:

– А того, что он, может, и есть наш заступник. Ведь как ни крути, а он с воеводой в одной мыльне парится. Слово какое за нас, непутных, замолвит – глядишь, московский-то начальный человек и уедет подобру-поздорову ни с чем. Так ли я думаю?

– Так, Чага, так! – закричали вокруг.

– Кабы не обидели мы его, он помог бы нам все дурна избыть, а теперь...

– Слово не воробей... – тоскливо оправдывался Кузьма Постный.

– Православные! – неожиданно воодушевился Чагин, вскинув сразу обе руки вверх. – Хочу я положить думу свою на ваш суд.

– Молви, Чагин!

И Чагин заговорил:

– Православные, то, что мы сейчас полаялись немного с Онисимом, это ничего. Он от нас за это не отвернется, а вот поможет ли? Станет ли из-за нас перед воеводой шапку ломать? Станет! Только – не мне вас учить, православные, – сухая ложка рот дерет...

– Истинно, дерет! – тряхнул Кузьма головой.

– А посему и думаю я так: а не собрать ли нам всем-то миром рублёв с двести!

В толпе охнули.

– И не поднести ли нам эти рубли от всего мира – от города и от уезда – Онисиму? Дело-то, пожалуй, надежнее будет. А?

Ни одна голова не шелохнулась в толпе. Тугая, подводная тишина установилась у съезжей избы.

– Двести рублёв на всех раскинуть – помногу не ляжет! – разбудил толпу голос Чагина.

И все заговорили. Многосильным ульем загудели голоса. Ничего было не понять, но настроение этих взволнованных голосов было одно: лучше собрать рубли, чем отдать по человеку с дыма на рать.

– Так как положим? – приостановил гудение Чагин.

– Рубли большие... – несмело возразил кто-то.

– Да и нас немало! Вон ведь мы ежегодно тяглом и податью даем в казну о-го-го сколько!

– Ладно говориши, Чагин! – вдруг раздался несильный, но уверенный голос.

Кто это сказал, было не видно, однако человека этого узнали: говорил молодой кузнец Ломов Андрей, большой мастер мелких поковок и золотых и серебряных, при случае, дел и литья – мастер на все руки, исправный мужик. Ему пришлось немного податься вперед, и всем стало видно его узкое умное лицо.

– Ладно говориши, только скоро такие рубли не собрать, а дело не терпит.

²⁴ *Пятиконецкий староста* – староста части (конца) города. Древнее название старост Новгорода, где было пять концов.

– Занять надо! – протянул Чагин темную ладонь в сторону Ломова, будто хотел нащупать невысокую фигуру молодого кузнеца, ученика самого Виричева.

– Верно! Занять в монастыре Михайлы Архангела! – тотчас колыхнулась толпа.

– Истинно, занять! – поддал жару Кузьма Постный.

Но Чагин рассудительно заявил:

– Нет. В Михайло-Архангельском монахи нам не дадут, а и дадут, так под большой рост. Такое нам неспоро...

– В Троице-Гледенский надо послать выборных, там рост меньше! – сказал Андрей Ломов.

– В Троице-Гледенский и напровадить!

– Да скорей надоть!

– Истинно, скорей!

– Кого направим? – спросил Чагин.

– Ты, Чагин, куделю начесал – тебе и прясть!²⁵ – сказал Рыбак.

Чагин слегка опешил, но ему не дали времени опомниться:

– Тебе, тебе плыть в Троице-Гледенский монастырь!

– Ладно. Давайте выборных от мира, – согласился кузнец, не рассчитывавший на такую потерю дорогого времени.

– Возьми Андрюшку Ломова, Ивана Хабарова из посадских, да еще возьми крестьянина Ивана Погорельца, да Кузьму-дьячка, Постного...

– Не годен Кузьма на это дело! – тотчас выкрикнули из толпы. – Там, у монахов, к крестному целованию вас приводить будут, для покою христианского, а от него, от Кузьмы Постного, вонь идет на все на четыре стороны: он табак фряжский пить²⁶ пристрастился!

Дьячок Прокопьевской церкви побледнел, потряс бородашкой, но не возразил.

– Еще возьми Шумилу Виричева – вот кого! Иди, Шумила, с ними, твой батька решетку Царских врат ковал для монахов – тебе поверят!

– Послать бы еще соцкого²⁷ или выборных судеек! – предложил кто-то.

– Хватит Виричева Шумилы! – возразил Рыбак. – Его батьку во все храмовые праздники в Троице-Гледенском чуть не первым поминают о здравии!

– Надо поминать: врата Царские в церкви без платы выковал!

– Выборных домой не распускать: сразу ехать надо! – торопился Чагин. – Пошли к лодкам! От Дымковской слободы пеши пойдем: три версты²⁸ не ломовой путь. Пошли!

Шумила тронул Андрея Ломова за локоть, и приятели пошли по переулку к реке. Они немного отстали от выборных.

– Приходи ввечеру, покажу чего-нибудь, – чуть тронув тонкие губы улыбкой, пообещал Андрей Ломов.

– Домыслил! Тебя, как батьку моего, на часомерье²⁹ тянет.

– А тебя?

– А у меня чего-то терпенья пока не хватает, уж больно мелкое дело: пальцем не ухватишь.

– Привычка нужна, – добродушно заметил Андрей.

²⁵ *Куделю начесал – тебе и прясть!* – Куделю (пучок льна или шерсти) прядут на веретене, прикрепленном к прялке. Здесь образно: предложил дать взятку – тебе и собирать деньги.

²⁶ *Табак фряжский пить...* – В XVII в. кабатчики добавляли в вино и настойки для крепости табак, который привозили иноземцы – «фряги».

²⁷ *Соіцкый* – низший стрелецкий чин, выборный из крестьян на селе.

²⁸ *Верста* – старая русская мера длины, равная 1,06 км.

²⁹ *Часомерье* – изготовление часов.

Крупный высокий человек, Шумила Виричев почти совсем заслонял собой приятеля, шедшего чуть позади по весенней растоптанной грязи.

– Поторапливайтесь! – крикнул им Хабаров, обтопывая от грязи лапти и обтирая их о прошлогодний репейник, что рос на склоне берега.

А Чагин уже отвязывал лодку.

Глава 3

Весь конец зимы посадский человек Ждан Виричев прожил ожиданием какого-то несчастья. Он опасался то падежа лошади, то пожара, то чего-то еще, что неминуемо должно было случиться с ним или с семьей. В зимние ветровые ночи он тревожно прислушивался к скрипу старой березы, и не раз казалось ему, что вот она треснет, грохнется всей громадной тяжестью на крышу избенки, и тогда всем наступит конец... Днем он всматривался в лица сына и внука, не завелась ли в них какая болезнь или иное какое лихо, не высохли бы, не свернулись бы неожиданно-негаданно, как невестка. С кем тогда век свой доживать? Две дочери – те отрезанные ломти, далеко живут в замужестве – у города Тотьмы мужья соль ломают, – а с ним тут остались теперь внук да сын да предчувствие: не приключилось бы чего с ними... Но сын был здоров, хоть и неразговорчив после смерти жены. Внук? У того по молодости скорёхонько поразвезалось горе, и теперь, пока еще мал, не поставишь к горну, вот и бегаёт он с одноклассниками по Сухоне, глазеет на иноземные суда, что снова стали приставать по весне. А вчера носила его, Алешку, нелегкая с утра до ночи, далеко, видать, ходили и не без пользы: принес кусок железной руды.

«И где он ее промышлял, эту крицу³⁰?» – с интересом думал старик. Ему захотелось встать с печи и посмотреть руду, но было так рано, что ночь еще не успела переломиться к утру.

«Если он ходил на Рыжковское болото и там отрыл, тогда эту крицу я знаю, – размышлял старик. – А если он нашел в другом месте? Наверно, в другом: до Рыжкова тридцать пять верст – в один день не обернуться и на молодых ногах... Значит, носило его на Шемоксу. Там, по берегам этой реки, издавна сочатся ржавые ручьи – верный признак железа. Железо – кормление наше. Какое оно там?»

Уснул он на какой-то час, не больше, – от пристани на весь Великий Устюг гроыхнула пушка. Старик поднял голову и понял, что еще один иноземный корабль пришел по Сухоне с Ледовитого моря. Год от года все больше их. Торговля идет бойкая. Купцы понаторили дорог сквозь леса – все ведут к великоустюжской пристани, к иноземным рядам. Разрастается город, набирают силу ремёсла. Держись, Архангельск, ничего, что ты у самых ледовых ворот!..

Раздумье о ремеслах в городе снова привело старика к мысли о руде. Он посмотрел с печи – окошко еле-еле замутилось. Скоро рассвет, велики ли весенние ночи на севере? Ждан Иваныч хотел по привычке полежать немного, обдумать дела на день, но все хозяйственные раздумья: о поправке сennика, дровах, об огороде, о предстоящем покосе, перекладке горна и починке мехов, – всегда приходившие в эти минуты пробуждения, сейчас уступили место находке внука. «Надо посмотреть!» – кончилось терпение у старика.

Он слез с печи, одернул рубаху и бесшумно вышел на середину избы. Было еще темно. Свет падал из двух маленьких оконцев, но не рассеивал глухого сумрака по углам, под лавками, в запечье. Ждан Иваныч повернулся к печи, отнял заслонку и разгреб поленом золу. Нащепанная лучина лежала тут же, на шестке. Он раздул уголь, зажег лучину и вставил ее в светец. Ажурное, в завитушках и лепестках, кованное железо светца осветилось пламенем. Первый уголек упал в лохань под светцом – цыкнул в воде. Сладко запахло дымом.

Ждан Иваныч посмотрел – не разбудил ли сына, но тот крепко спал на лавке. Широкое доброе лицо побагровело: жарко под овчинным тулупом. Светлые волосы просыпались на лоб. Одна рука, синяя жилами, выпала из-под тулупа, свесилась над полом, налитая молодой мужицкой силой. На чем останутся эти руки? На тяжелом молоте? На литье пушек, в котором и он, Ждан Виричев, знает толк? А может, его тоже захватит эта мелкая и трудная железодельная хитрость, полонившая многих кузнецов несколько лет назад? Конечно, куда как

³⁰ Крица – руда.

сладко сердцу мастера из куска железа соорудить не что-нибудь – часы на манер иноземных, а то и хитрее! Только чем в эту пору жить, если рынок требует простые поковки? А не станешь их делать, чем платить подати? Никогда еще кузнец Ждан Виричев не вставал за неуплату на правёж³¹, поэтому сначала грубое дело – ковши, замки, сабли, кресты, наконечники, – а часомерье урывками, для души.

Внук шевельнулся во сне под батькиным боком, ткнулся мягким мальчишеским носом в плечо отцу, выкинул, разомлевши, одну ногу на волю, засопел сладко – вот и весь его рай земной. Ждан Иваныч посмотрел на ногу внука – налёт ржавчины так и остался на коже – и окончательно убедился: мальчишка шел по ржавым ручьям, там искал и нашел крицу. Старик наклонился, потрогал тыльной стороной ладони тесаное бревно стены – не дует ли от пазов в спину последыша. Не дует: за десятки лет плотно слежался мох в пазах.

Лучина догорала. Ее древний волшебный свет красно-бархатными пятнами ложился на широкие половицы, на саженную³² широту печи, на порог, на лохань около него, ухваты в углу, прокопченные глиняные кринки, на охапку дров... Старик с трудом разогнулся, отошел от лавки, держась за поясницу.

Кусок руды лежал на шестке. Он был неровен, но чист: видать, Алешка не раз промывал его, а потом тащил под рубахой. По весу в куске было фунта³³ полтора, а поскольку он свободно умещался на ладони, значило, что эта руда большой чистоты. «Вот бы дал Бог удачу!» – взволнованно подумал старый кузнец. Он нашел на лавке свою однорядку, торопливо надел ее поверх рубахи, насунул у порога лапти и без шапки – завалилась куда-то – заторопился в кузницу.

На дворе было тихо, но тепла не было. За ночь слегка подморозило, и грязь у крыльца, схваченная коркой, тонко похрустывала, вяло проминаясь под ногами. В небе допорхивали в свой последний, предрассветный час звезды, а в городе уже просыпались посадские: пахло дымом, в мызе³⁴ Кузнецкой улицы кто-то стучал по наковальне. «Андрюшка наверстывает», – подумал Ждан Иваныч о своем ученике, теперь уже большом мастере, самостоятельном человеке.

Кузница стояла в углу двора, на отшибе от всех остальных построек. Внутри еще держалось тепло от вечерней работы. Угли – только стоило их шевельнуть да дохнуть мехами – засветились, заалели. В лицо, на грудь, на руки полилось знакомое тепло, и свет, розовый и таинственный свет, наполнил прокопченную кузницу. Чтобы избежать пожара, она была сложена без мха, но щелявила пазами лишь в одном месте – с дневной, солнечной стороны, где повело бревно. Все стены, от пола до крыши, поскольку потолка не было, обмазаны глиной, стропила и крышевый подтоварник-опалубка³⁵ – тоже, а сверху был положен дерн. На высоких топчанах, намертво приделанных к стенам, лежали откованные топоры, серпы, лопаты, большие амбарные личины, замки, носовые кольца для быков, наконечники для стрел и Протазанов. По стенам висели уже насаженные косы, в углу грудились железные шины для колес, а рядом, головками вверх, уже готовые к продаже, – на новых древках, – стояли ухваты и сковородники. «Кормилица...» – окинув все это взглядом, подумал старик.

Угли разгорелись в полную силу. Ждан Иваныч бросил в них руду, поправил щипцами, подкинул угля и надал еще воздуху. «Дал бы Бог удачу!» – подумал он, еще боясь радоваться, дабы не спугнуть неожиданно поманившее счастье. Он волновался и то приседал на широкий почерневший пень около наковальни, то вскакивал, будто молодой, поправлял кусок руды, под-

³¹ *Правёж* (от др.-рус. «править» – «взыскивать») – принуждение ответчика к уплате долга, соединенное с понудительным средством – битьем батогами.

³² *Сажень* – старая русская мера длины, равная 2,13 м.

³³ *Фунт* – старая русская мера веса, равная 409,5 г.

³⁴ *Мыза* – нижняя часть улицы.

³⁵ *Подтоварник-опалубка* – доски с сучьями, обмазанные глиной.

гребал к нему угли и всякий раз подкачивал воздух. Наконец наступил решительный момент: руда и угли почти слились в один бело-розовый цвет. Теперь нужны руки кузнеца. Он надел толстый, грубого тканья передник, приготовил небольшую – для одной руки – кувалду и достал щипцами раскаленный добела кусок руды.

– Ах! – только и успел вымолвить он, но руки, опережая слова и мысли, заработали привычно и споро.

В ноздри пахнуло знакомым запахом окалины. Она отскакивала под ударами кувалды, и вместе с ней отделялся ненужный шлак. Обстукав для начала немного, он бросил руду в горн во второй раз. Теперь она нагрелась в углях быстро, а он так же споро обработал ее вторично, превращая то в лепешку, то в ком, то в удлиненную болванку. Так несколько раз он нагревал и оббивал руду, и с каждым разом ненужные примеси отходили от металла, а сам он уплотнялся, тяжелел, но не рассыпался и не терял заветной ковкости.

«Теперь мы озолотимся! Теперь от заказов отбою не будет!»

Сердце старого кузнеца не обманулось в ожидании, а глаз и руки скоро подтвердили, что находка младшего Виричева – богатство. Закончив обработку, Ждан Иваныч, ради редкого старческого баловства и радости, выковал, обгранил кусок металла в ровную пирамиду.

«Теперь мы озолотимся! Теперь от заказов отбою не будет!» Старик швырнул пирамиду на землю, а сам сел на пень и ждал, когда остынет поковка. В воду он не опускал металл намеренно, чтобы показать его Шумиле в обычном виде, незакаленном.

Неторопливо и торжественно вышел он из кузницы, и еще одна радость, вторая за это утро, – алая весенняя заря, – празднично и домовито вошла в его душу. Он глянул, как разливается над городом свет нового дня, и вдруг понял, что все опасения, все предчувствия, сосавшие его в минувшую зиму, были напрасными, что все в этом мире прочно, пока живы на свете они, кузнецы.

Глава 4

Шумила проснулся от того, что Алешка двинул ему во сне острым локтем в бок. «Ишь растолкался, как теленок!» – ласково подумал отец. Тут же он услышал приглушенное постукивание и сразу узнал руку старика. Подивился: что это он в такую рань?..

В слюдяное оконце сочился слабый зоревой свет. Закоптела за зиму слюда, пожелтела. Надо бы сменить, да что-то давно не было торговых гостей из карельских мест. Там, знает Шумила, есть мягкие скалы, а в них полно напластовано этой слюды. По дешевке отдают...

Шумила еще полежал минуту-другую, вспоминая, как они ездили накануне в монастырь за деньгами, как подносили подьячему Онисиму деньги эти, а потом... Тут Шумила просветлел лицом. Потом он сидел допоздна у Ломовых. Пил квас – ковш за ковшом – и не мог напиться, потому что подавала сама Анна...

Издали донесся удар колокола, и поплыл, и потек поутру звон над Сухоной.

«В Троице-Гледенском звонят. Вставать надобно, к лошади выйти да солений достать, что ли...» – толкнула его обычная утренняя забота, ставшая постоянной после смерти жены.

Шумила умывался над лоханью у порога, когда вошел отец, прямо в переднике и с куском железа в руке.

– Что за диковину ты выковал? – Шумила придержал глиняный кувшин, качнувшийся на веревке, вытерся широким льняным полотенцем.

– Полюбуйся да подивись! – весело ответил Ждан Иваныч.

Шумила забросил убрус³⁶ на шест под потолком, долил из ушата в кувшин воды для отца и только потом степенно принял пирамидку.

– Никак, ты треугольникем занялся? – сощурился он на изделие карим глазом. – А ничего, кажись...

– Доброе.

Шумила внимательно осмотрел кусок, потрогал теплый металл ногтем, прикинул на вес, рассматривал осадку под ударами молота – не разошлось ли, нет ли трещин – и тоже заключил с уверенностью:

– Доброе. Это из Олешкиной крицы?

– Он, озорник, – ласково улыбнулся старик.

Оба посмотрели на спящего Алешку.

– Недаром брюхо у него расцарапано, – вспомнил Шумила. Он повертел железо и уже озабоченно спросил: – К закалке не приводил?

– Не успел. Обрадовался, аки ребенок. Добрища-то, смекнул, не упустить бы! Надо спешно узнать, где отрыл.

– На Шемоксе, видать. В Рыжковском болоте нет такой крицы... А вот сейчас раз узнаем!

Шумила шагнул к лавке, отвалил тулуп, пахнувший овчиной, теплом. Алешка спал на просторе, откинув руку, как большой. Шумила дернул его за подбородок, наклонился так, что круглая плотная борода мазнула парнишку по губам, и, не успел тот опомниться спросонья, поднес ему железную пирамиду.

– Где брал?

Парнишка сразу понял, что это выковано из его крицы.

– Где брал, там еще есть... А чего меня не позвали в кузницу?

– А может, ты с иноземного судна уволок? – нахмурился Шумила, не обращая внимания на обиду сына. – Смотри, Олешка, здорову не быть!

– Да мы по Шемоксе шастали. Оттуда.

³⁶ Убрус – здесь: полотенце.

Ждан Иваныч снял передник, подошел, горбаться сухой спиной над лавкой.

– А много там?

– Много ли? Да много, должно... – почесал затылок Алешка, подражая батькиной степенности.

– Это не там, где мы в летошний сенокос лошадей поили?

– Много дальше.

Ждан Иваныч переглянулся с Шумилой.

– Надо ехать, а то как бы кто не опередил...

– Надо, – тотчас согласился Шумила и, поняв старика, спросил сына: – А ты с кем промышлял там?

– Дак Санька Чагин, да Семка Дежнёв, да я, да и всё.

– Та-ак... – насупился старик. – Дежнёвы скоро не соберутся: сам Дежнёв до ледостава с головой ушел в торговлю с иноземцем, а вот Чагины...

– Вчера Чагин торопился, но ни словом не обмолвился про крицу, – вспомнил Шумила.

– Не знал еще: парнишки-то полночь приволоклись.

Помолчали, прислушиваясь к колокольному перезвону. Колоколу Троице-Гледенского монастыря вторили теперь с колокольни Прокопьевской церкви, но звон этот был сегодня неровный, немощный, видно, звонарь Никита засиделся вчера вместе с дьячком этой церкви, Кузьмой Постным, в царевом кабаке... Нет, не тот звон. Хорошо еще, прячет Никиту звонарь Михайло-Архангельского – покрывает непутевое позвякивание могучим звоном соборного колокола.

– Вставай, Олешка. Молодец ты! – оторвался от дум старик и отошел к порогу мыть руки.

Шумила ничего не сказал сыну, только ласково стукнул ему по затылку. Парнишка воспринял от этой похвалы, выпростался из-под тулупа, весело кинулся на двор.

– Дверь-то, озорник!

Шумила убрал тулуп, поправил смятый по лавочник – последнее тканье жены. Отошел к печке, задумался. Не хотелось разводить огонь, возиться с горшками, кринками.

– Позавтракаем без варева? – посмотрел он на отца с мольбой.

– Можно и без варева... – согласился тот, в который раз покоряясь судьбе вдовцов.

Пора бы, думалось ему в такие минуты, присмотреться Шумиле к кому-нибудь. Уж не такие они, Виричевы, захудалые люди, чтобы не выбрать невесту. Не он первый, не он последний...

За столом Ждан Иваныч нарезал хлеб, размял пальцами сырую, схватившуюся коркой соль, что присохла к широкой деревянной солонице, обдул ложки. Шумила достал из подвала кислой капусты, принес со двора теплых яиц. Он же послал Алешку на чердак, и мальчишка безошибочно сдернул со стропилины самую крупную щуку легкого, весеннего посола. Рыбой занялся старик. Он ловко располовинил ее сначала вдоль с хвоста до головы, потом каждую половину разрезал на три части, перекрестился и разрешил приступать.

– А в навечерии немец³⁷ плакал на пристани, – сказал Алешка, раздирая куски щуки на продольные волокна.

– Обидели, что ли? – удивился дед.

Алешка пожал плечами.

– Никто обиды не чинил, – уточнил Шумила и пояснил: – Это Пчёлкин, гончар, купил в прошлую весну у этих самых немцев одну-единую плитку, не как у нас делали, а гладкую, синюю. Такой плиткой у игумена печь выложена – дорого стоила!

– Ну и что? – спросил отец.

³⁷ *Немец* – на Руси так называли всех иностранцев, то есть «немой», не говорит по-русски.

– Ну а нынче немец навез этой плитки полный корабль, аж просел чуть не до самых бортов. Разложил вчера, а у него никто не берет: ни стрелецкий голова, ни губной староста. А купец Дежнёв прямо сказал бедняге через толмача: «Пропала, – говорит, – твоя выгода, потому как Пчёлкин наострился эти плитки делать лучше ваших. Сам воевода, – говорит, – брал у него на печь и хвалил».

– Вон оно как... А Пчёлкин и верно наострился. Всю зиму мудрил, а под Пасху четыре воза продал: и белой, и голубой, и желтенькую смудрил – башка!..

– А немец-то не в веру это принял. «У вас, – говорит, – заговор против нас, галанцев³⁸, потому и не покупаете наши плитки». А Дежнёв-то крутой мужик. «Ах, – говорит, – латынская ты образина, пойдя к этому гончару да сам погляди!»

– И пошел?

– Пошел. Подивился, а ввечеру пьянехонького видали, в своем фряжском ряду лежал – с горя, должно...

– Горе не мало. Великое горе. Ледовитым морем плыл, страх терпел, в Михайло-Архангельском городе мыто платил, а приехал сюда – не берут. Заплачешь... Олешка, квасу нацеди!

Алешка выскочил из-за стола. За печью стояла бочка с квасом, укрепленная на высоком чурбане, покрытая деревянной крышкой, на крышке стоял большой кувшин с двумя ручками. Алешка поставил его на пол, заглянул внутрь – нет ли там, как в прошлый раз, мышонка, – осторожно повыдернул тычку и нацедил полный кувшин. Поднял его перед собой, высунув от натуги язык, и заторопился к столу – скорее послушать, о чем толкуют старшие.

– А поведай-ко, как вы в навечерии поднесли Онисиму такой большой посул³⁹? – спросил Ждан Иваныч.

Шумила, верный своей привычке, сначала неторопливо налил квасу в деревянные кружки, отхлебнул из своей.

– Посул в открытую никак не брал Онисим, – сказал Шумила, обтирая ладонью бороду.

– Надо думать: Москва наехала! – кивнул старик.

– То-то и оно! Охота ли в опале быть да кнута получать? Вот тут-то Чагин и надумал: притащил семгу большенную, летошнего посла, набили ей брюхо монетами – все двести рублей легли, – зашили ниткой смолевой да и поднесли.

– Взял?

– Взял и не вспыхнул. Теперь дело сделано. Онисим – мужик податной, потому оборонить нас вознамерился.

Ничего не ответил на это старик. Молча жевал жесткое соленое щучье мясо. И верилось, и не верилось в эти слова: уж больно много видел обмана на своем веку.

После завтрака в кузницу не пошли. Ждан Иваныч наказал сыну и внуку готовиться к отъезду на Шемоксу: закупить хлеба дня на три в монастырской лавке, увязать соленья. Особо наказал проверить насадку заступов, кованных по осени из рыжковской крицы.

– А ты куда? – остановил его Шумила.

– Пойду покажу новое железо Ондрышке Ломову – от него у нас секретов нет, – то-то обрадуется!

– Давай я схожу попроворней... – несмело предложил Шумила.

Но старик давно понимал его и решил впервые ответить наставительно:

– Нет, Шумилушка, почто на грех наступать? Квас у нас и дома есть...

Ждан Иваныч хотел не только показать новое железо своему ученику, хотелось ему еще и повидаться, и поговорить, хотелось взглянуть на новые поделки: Андрей Ломов постоянно выдумывает разные железные поделки, нет ли и сегодня какого дивья кузнецкой хитрости?

³⁸ *Галайцы* – искаж. голландцы.

³⁹ *Посу́л* – взятка.

Глава 5

Изба Ломовых стояла в низине, у ручья. Соломенная завалина – от земли до дерновой крыши, – выложенная на зиму от холодов, до сих пор еще не была убрана. «Занят часомерьем, а избу спарит... – подумал Ждан Иваныч. – Теперь он и на огне не отступится от этого дела – так вклевался в зубчики-колесики, не хуже меня, старого...»

В пещерной тьме завалинных проемов, в самой их глубине, слабо блеснула слюда двух окошек. Качнулась внутри чья-то тень. Толстенный тополь кривил голые, но уже по-весеннему пахучие ветки над самым свесом дерновой крыши.

Немногие из большой семьи Ломовых жили теперь вместе. Двое старших братьев Андрея были убиты в Смутное время, когда неожиданно и неведомо как нагрянули набегом в эти отдаленные места казаки и черкесы. Пожгли, побили, как татары, а потом сами полегли где-то в заонежских погостах. Пропала с ними и сестра Андрея, которую забрали с собой казаки. Еще две сестры жили замужем тут же, в Устюге. Третий брат промышлял уже который год рыбий зуб⁴⁰, давно не появляясь в семье. Младшая сестра жила тут. Жива была и мать. Отец умер.

Сейчас дома были не все. Мать и сестра ушли на двор к скотине. Андрей один сидел на лавке у самого окошка за широким длинным столом и обтачивал какие-то шпильки на камне. Его тесть, больной старик, еще ни разу в этом году не выходивший на улицу, лежал на печи – не верил пока в тепло. В люльке, подвешенной на шесте под потолком, потихоньку попискивал ребенок. Это был второй сын Андрея, первый умер в прошлую зиму.

– Мир дому сему! – помолившись на темную доску иконы в красном углу, поклонился Ждан Иваныч.

– Милости просим! – улыбнулся Андрей, но не встал, не оторвался от дела, только крикнул: – Анна!

Неслышно вошла Анна, жена Андрея. Всегда она так ходит, неслышно. Сама дородная, а ступает легко, будто лебедь плывет, и не от боязни, что в чужой семье – к этому уж привыкла! – это от породы своей лебединой. Вышла, поклонилась, легко выпрямилась, а взглянула – синью глаз окатила.

– Милости просим! – еще раз низко поклонилась она и улыбнулась гостю.

И улыбка не прошла мимо глаз Ждана Иваныча. Всегда он смотрел на ее белые зубы да радовался за Андрея, а теперь вот неспокоен стал за Шумилу. «От такой голова кружится у старика, а что делается со вдовым мужиком? – тревожно думалось Ждану Иванычу. – Вот и в навечерии тут, наверно, сидел, на Анну зарился...»

– Садись, дядя Ждан! – пригласила Анна к столу, проворно поправив полавочник.

Старик прошел, сел на лавку.

Анна принесла квасу в большой братине⁴¹. Посмотрела на мужа, выждала, когда взглянет, и ушла, оставила их вдвоем.

– Долгонько вы хороводились с онисимовским посулом, – заметил старик с хитринкой и услышал в ответ то, что ожидал и чего опасался:

– Засветло управились, а засиделись у нас. Пей квас-то! Вчера Шумила пил да больно хвалил.

«Так и есть! Анна подносила, а он пил да зарился на нее... Нескладно».

Андрей, небольшой, худощавый, быстрый в движениях, совсем не был похож на кузнеца. Ему словно сама судьба повелела заниматься делом тонким, каким было часомерье или серебряное. Серьги своей Анне он такие выкрутил из серебряной нити, что сколько есть соседок

⁴⁰ Рыбий зуб – клык моржа, редкий и дорогой вид сырья для косторезов.

⁴¹ Братина – сосуд для питья.

– все просили-кланялись сделать такие же, да Анна не велит. Ловкий мастер! А кузнечному делу он учился у Ждана Иваныча. Пристрастился к железу еще с малых лет. Днями торчали вместе с Шумилой у горна, все кузницы на Пушкарихе обошли, кто как работает высматривали, а подросли – сами к горну прилипли. Когда несколько лет назад пришлось прикоснуться к часомерью, все пригодилось.

Квас действительно был хорош. Такого квасу давно не пил Ждан Иваныч, с того, пожалуй, времени, как умерла у него старуха. Вот мастерица была! И меды варить умела славные – не бражные и пряные.

– Монахи уперлись было, а потом смилоствовались – признали в Шумиле твою породу. Заставили крест целовать да деньги отсчитывать, скряги...

Андрей не отрывался от дела, лишь косил глазом на старика. Тот молча потягивал квас – хорошо после соленой-то сухой шуки!

– Кабы не было Шумилы, большая бы помешка вышла, тут надо бы было поруку крепкую искать.

Старику было приятно слышать, что его почитают в монастыре. Почитают не за молитвы, не за богатые дары во спасение души, а за мудреный кузнечный труд – за витое кружево церковных Царских ворот.

– По сколько станете собирать?

– По полтине⁴² с дыма, так порешили. А если останется лишнее, для мирских нужд прибережем.

И все же разговор шел несерьезный. Говорили о делах почти обычных, повседневных, а на душе у каждого было одно и то же – указ. И хоть собрали деньги и отдали их подьячему, но все равно червем шевелилось, сосало сомнение: что-то там, в указе, уготовано?

– А ведь я к тебе с радостью великой, – улыбаясь через силу, сказал Ждан Иваныч.

Андрей оторвался от дела, положил часовые оси-шпильки в берестяной бурачок⁴³.

– Порадуй, коль так.

– Олешка крицу добрую нашел.

– Где сведал?

– Да ровно бы на Шемоксе. Хорошая крица! Знатное железо выколачивается. А если выплавить... На вот, полюбуйся.

Он вынул пирамиду из рогожи, протянул ученику. Андрей долго вертел в руках пирамиду, пробовал железо и молотком, и ногтем, и на зуб прикинул, еще раз ударил молотком и осмотрел метку.

– Богатая крица! – радостно заключил он. – А ты еще злобился на внука, что носит его нечистая по всему Засухонью. Еще не пробовал закалить?

– Не успел. Надо торопиться, – где эта крица, сколько ее, – да поживей, а не то за смертную досаду станет, коль перехватит кто. Поедем с нами? У нас от тебя секретов нет.

– Да поехать-то и надо бы...

– Ну?

– Да двух дел в одну руку не возьмешь: сегодня рубли собирать надобно. Чагин шумел, скорее чтоб! До воскресенья, до указу то есть, собрать полностью порешили и монахам отдать – на том и крест целовали. Поезжай один.

– Ну, тогда на лошади и тащиться не для чего. Так пойдем, пеши. Посмотрим, может, там и нет ничего. Олешка-то с Дежнёвым Семкой бегал, а тот известный вертопрах, только бы и носило его из края в край. То одного сманит к морю, то другого в лес, то один под Вологду

⁴² Полтина – в XVII в. была счетной единицей, составляла полрубля – 50 копеек. Единственной серебряной монетой была копейка, весившая 0,42 г.

⁴³ Бурачок – шкатулка, коробочка, ларец.

уплывет, то за Тотьмой объявится. Батько-то – мужик степенной, уж он ли не норовил его пороть, а все толку мало. Такой уж уродился. Вот и думай: может, и крицу-то нашли совсем в другом месте, верь им! Нет, надо, пожалуй, пока так осмотреться, пеши.

На печи зашевелился тесть Андрея, больной старик, взятый из семьи брата Анны (большая там семья, много нахлебников). Проснулся – голоса услышал, хоть и глуховатой.

Лет тридцать с лишним назад, еще при Иване Грозном, появился он в Великий Устюг вольным человеком и определился в посадские, хоть и числился ранее в помещичьих холопах. А случилось обычное дело: помещик захудал на неважных землях, не на что стало ему поставлять в цареву войско людей своих, конных и оружных. Пошебаршил, полютовал, да разве кнутом рожь посеешь? Наконец перед дворянским смотром взял да и сбежал куда-то. Говорили, будто бы подался за Камень⁴⁴. Другие рассказывали, что ушел их помещик со всей рухлядью⁴⁵ во Владимир и стал там торговым человеком. Третьи божились, что видели его в Москве не то в стрелецкой сотне, не то даже в Стремянном полку. Но как бы там ни было, а холопы его разбрелись по Руси, и еще несколько деревень остались пустовать на великих просторах.

– Ждан, это ты? – высунулся старик с печи.

– Я, Григорий. Как здоровье? Не пора ли тебе с печи-то слезать?

– Чего в народе-то говорят? – спросил старик, не ответив на вопрос. – Не опять ли паренек Димитрий идет маестату своего требовать? А? Не слышу!

– Указ царев говорить будут! – громко ответил Ждан Иваныч. – Да тебе-то он зачем? Тебе бы скорей на солнышко выползти!

– Вот я и мыслю так: жив Димитрий-паренек! Ангельскую душку Богородица загубить не даст. Вот он и идет опять, войско ведет.

– Ты помалкивай, дед! – остановил его крамольные речи Андрей, он даже приподнял бороду в сторону печи, наставя ее на старика.

– Все молвят, что Борис-царь зарезал его. Все-е...

– Слышишь, старый?! – еще громче крикнул Андрей. – А не то не посмотрят, что ты глухой, вздернут на дыбу, и будешь висеть!

Анна неслышно выплыла из-за печки и подала отцу кружку квасу. Старик торопливо выпил, выплеснул остатки в лохань (точно попал – наострился за зиму) и забыл, о чем только что говорил с мужиками.

Андрей повернулся к учителю:

– Не слышал, нет ли у немцев на пристани меди в листах или в полосах? Хочу благозвучные пластины поставить в часах.

– Дело... А еще лучше вылить малюсенькие колокольца – малинов звон устроится. А молоточек-то на валик посади, тоже медяной, смекай!

– Ага! А молоточек горошиной или чекмарем⁴⁶ сделать?

– Горошиной ладней будет, ее как ни поверни – она все горошина и есть, а чекмарь краем заденет, как гвоздем торнет. – Старик погладил бороду. – Не знаю, есть ли у них ноне такая медь. А если нет такой, купи пуговиц медных – та же медь!

– Уразумел! – Андрей снова высыпал железную часовую мелочь на стол и принялся дотачивать будущий валик.

– В резьбе не ошибись! – предупредил его учитель. – Наметь покудова по срезу, а потом метки все по одной вдоль вала протянешь. Семь раз померь... Смекай! А нет – выпроси у немцев, взгляни, как там сделано, тут нечего стеснение разводить, тут не в девичьем хороводе.

⁴⁴ *Камень* – Уральские горы.

⁴⁵ *Рухлядь* – имущество, добро.

⁴⁶ *Чекмарь* – деревянный молоток, колотушка.

Андрей снова почувствовал себя учеником и только согласно кивал, по-прежнему не отрываясь от дела.

– Когда пойдут? – спросил Ждан Иваныч про часы.

– К Покрову управлюсь.

– Давно мытаришь эти колеса. Давно-о! А на подати есть ли поделки? Нет? А с чем же в ряду стоять?

– Да вот еще недельку посижу с часомерьем и примусь, – виновато улыбнулся Андрей.

Ждан Иваныч придвинул к себе отлитые, нарубленные, откованные заготовки для часов. «Толково!» – подумал он.

Несколько лет назад прибыло в Великий Устюг голландское судно. Кроме разных диковин торговые гости привезли и часы. Это чудо – дорогое и красивое – купил у них воевода. А когда воеводу за недобрые дела в Москву призвали, в приказ, решил он, что все несчастье от этих часов, да и продал их купцу Семёркину. И все бы хорошо, но Семёркин надумал в Троицу пойти на кладбище с часами. Пошел, напился и ударил их о паперть кладбищенской церквухи. Остановились часы. Потосковал купец с неделю, а потом принес их к Ждану Виричеву.

Тот посмотрел, подивился – впервые видел такую машину, – а потом по привычке, разобравшись и принялся чинить. До самого Нового года, до первого сентября, провозился с часами, да и потом раз десять ходил к Семёркину, всматривался. А потом то у одного купца, то у другого, то у игумена стали появляться часы. Чинить носили к Виричевым. Немалое время утекло за этим тонким делом, а отказать Ждан кому не смел, кому не мог, а больше всего себе не мог – так пристрастился к этому делу. А до прошлой зимы сам, впервые в жизни, сотворил часы, да столько прокатил на них времени, что засел в долгах, и потом продал вологодскому купцу.

Ждан Иваныч смотрел на Андрея и понимал его страсть – у самого было такое! – и догадывался, что влетит мужик в долги, пойдет кланяться Семёркину или татарину. И Андрей будто понимал учителя – блеснет на него серым глазом и снова уткнется в камень.

– Кто-то бежит! Никак, Олешенька ваш? – сообщила Анна, высмотревшая кого-то в окошке.

В избу, пожарно громыхнув дверь, так что дернулся на печи старик, влетел Алешка.

– Деда! Тебя к воеводе! Скоро надо! – чуть не плача, выпалил он, повиснув на скобке двери.

Ждан Иваныч не шевельнулся. Подумал минуту, посматривая на люльку, где заворочался и закричал ребенок. Перевел взгляд на Андрея.

– Правёж? – спросил тот.

– Не должнó. Я скоро все подати выложу.

– Может, кто лиха какого на тебя навел?

– Ни перед кем не грешен.

– Тогда никакого несчастья не сделается.

Андрей произнес эти слова неуверенно, и потому, должно быть, ни у кого не блеснула в глазах надежда, не вырвалось вздоха облегчения.

Старик с печи высунулся опять. Присмотрелся к лицам, понял – неладное – и приложил ладонь к уху.

– Деда, скорей: стрелец ругается!

Ждан Иваныч медленно поднялся с лавки, одернул однорядку и вышел на середину избы. Там остановился, повернулся к иконе и положил три легких поклона.

Анна всхлипнула и отошла в запечье. Андрей торопливо, будто только опомнившись, собирал свои железные поделки.

– Олешка, шапку неси! – негромко потребовал Ждан Иваныч.

Мальчишка кинулся со всех ног домой, распуская по дороге кур.

– Прощайте, люди добрые! – вымолвил старый кузнец. – А железо кричное оставь, Ондрей, себе.

От печки юркнула Анна. Она вынула из зыбки раскричавшегося малыша, чтобы не мешал говорить, но этого уже не требовалось. Ждан Иваныч уверенно, как в своем доме, взялся, не оборачиваясь, за скобу и тяжело шагнул за порог.

Глава 6

На дворе потеплело. Это было заметно по всему: по ребячьим крикам, по грачиной суете на берегах, по тому, как ревела, почуя тепло, голодная скотина в хлевах, а особенно по радостному и очень звонкому перестуку молотов и наковален. Этот перестук весело вырывался на улицу из раскрытых настежь кузниц на Пушкарихе, на Кузнецкой улице – во всех трех десятках кузниц. Трудилась кузнецкая сотня, и не было надежней и величавей звуков, чем этот перестук тяжелых молотов.

День разгорелся, и хотя снова набежали откуда-то утренние, всегда неожиданные облака, по всему было видно, что ненавистного дождя нынче не будет. Да если бы он и собрался, если бы и накатило из-за Сухоны грозу, Ждан Иваныч не обрадовался бы, не испугался: он бы ее просто не услышал.

Стрелец торчал около избы Виричевых. От скуки он просек в березе кору и, припав на одно колено, опершись рукой на длинное древко алебарды⁴⁷, лизал сок – последний сок: скоро распустится листва. Увидев старого кузнеца, стрелец поднялся с земли и пошел навстречу.

– Чего хоронишься? – спросил стрелец.

– А-а, это ты, Филька? Вместо пристава, что ли?

– Да мне что! Я не по своей воле. Воевода послал: иди за Виричевым!

Выделка глиняных игрушек была подсобным промыслом в семье стрельца. Конечно, более доходным было курение вина. Оно разрешалось стрельцам лишь под праздники, но редко кто не занимался этим делом ежедневно и не держал тихонько от властей корчму в подклети. Опасное это дело – корчма, но стрельцу дыба не грозит, на кол не посадят. Ну, получит палок, покается, отлежится – да опять за свое. Сослать только могут в другой захудалый город, вроде Тотьмы или Вологды, года на три. Да что ему три года? На доход от корчмы сундуки его набиты всякой рухлядью – до смерти хватит. Ведь не раз попадался и в острог волокли под приставом, а отвез сундук воеводе да забыл из двора стрелецкого головы выгнать десяток своих овец – вот и снова гуляет.

Ждан Иваныч взглянул на опухшее от вина лицо молодого стрельца и не позавидовал его сытой жизни. Однако наклонился к низкорослому служаке, задев бородой за красный вершок его шапки, и доверительно спросил:

– Почто ведешь?

– Не велено знать! – заученно ответил стрелец. Он поправил шапку, одернул потасканный кафтан, повелительно потребовал: – Ступай наперед!

– И домой не зайти?

– Велено скорей. Ступай!

Стрелец вскинул алебарду на плечо и сразу начал входить в служилый раж: побагровел, засопел, закричал.

Пришлось идти.

В конце Кузнецкой улицы их догнали Шумила и Алексей. Ждан Иваныч взял у внука шапку, потом посмотрел на Шумилу, хотел поговорить сразу о многом, о том важном, что может ему пригодиться, если – не ровён час – не вернется, но не сказал: отточенное лезвие алебарды нетерпеливо качнулось у самого виска.

– Иди, Шумила, в кузню, докали наконечники, а то стрелецкий голова поминал наемни, – только и сказал старый кузнец, а внуку наказал: – Помогай батьке.

Тут он заметил, что в переулок торопливо вышли и тотчас остановились в отдалении Андрей Ломов и Анна. И она не усидела! Бежали, должно быть. С головы Анны съехала синяя

⁴⁷ Алебарда – старинное оружие, фигурный топорик на длинном древке.

повязка, в которой она ходит в церковь, по-домашнему обнажилась красивая русоволосая голова.

– Поторапливайся! – толкнул стрелец.

На ходу старый кузнец оглянулся: стоит Анна чуть позади мужа, подперла щеку ладонью, изогнув высокую шею, и вроде замутилась слезами – не видно издали – синь большеглазая. «Что Богородица стоит! – не вовремя подумалось старику. – Нет, нельзя ходить к ним Шумиле».

Вышли на Широкую улицу, свернули направо, вдоль глухих заборов. На солнечной стороне было суше. От земли уже пахло первой травой, дышали теплом позеленевшие плахи заборов, радостно кудахтали куры, а где-то очень далеко, по тотьмовской дороге, последние песни добулькивал тетерев. Старик знал: оденется березка – и до следующей весны замолчит, отгуляет свое рябая тетерка. Каждую весну повторяется заново эта жизнь. Сколько было таких весен у старого кузнеца, он и сам не помнит, только знает, что не изошла у него радость от всего этого, не иссохло старое сердце.

Ждан Иваныч наклонился, взял из-под забора пригоршню земли, помял в ладони и понял: еще немного красных денечков – и пойдет в борозду соха. Запасайтесь, мужики, накованы новые! На всех хватит...

Перешли земляной мост, свернули налево. За тополями, за высоченным круглобревным забором, темнели хоромы татарского наместника. Давно он уж не наместник, а торговец, как и его отец. Еще дед его потерял власть в старом Устюге, на том, на правом берегу Сухоны, а когда Иван Грозный повелел быть Великому Устюгу на высоком, на левом берегу и все, боясь послушаться, снялись со своих мест и стали перебираться сюда, перевез свое золото и татарин. Давно он обрусел, еще в третьем колене, женат на русской, а всё зовутся его высокие хоромы зámком.

Наконец зашли за строения гончара Пчёлкина. Сам хозяин увидел кузнеца через дыру обветшавшего забора, вышел за ворота в измазанном глиной фартуке, снял шапку и молча поклонился. Хороший мужик. В прошлом году на правёже стоял за неуплату податей, пока мудрил с глазурью для новых изразцовых плиток. Теперь товар пошел лучше иноземного. Рассчитался с долгами. Сына женил. Второго женил. Копейка завелась, а не горд... Далеко, шагов за сто, отошел кузнец со стрельцом, и только тогда хлопнула калитка: Пчёлкин стоял, вслед смотрел. Видно, к сердцу принял чужое несчастье.

Стрелец ударил алебардой плашмя по левому плечу старика, только блеснуло отточенное лезвие.

– Поворачивай!

На небольшой площади, у столба, прямо перед съезжей избой, толпилось десятка два зевак, любителей посмотреть на чужую беду. Человек – лица его не было видно – был, как обычно, привязан к правёжному столбу. Стоял он в шапке и в зипуне. Поодаль, на чурбане, пристроился выборный судейка, Клим Воронов, из дворянских детей. Он держал охапку палок, торчавших выше его головы в круглой, отороченной мехом шапке. Судейка был известный щеголь, он даже на это обычное для себя и люда дело пришел в новой чуге⁴⁸. Сквозь боковые разрезы в полах были видны блестящие сапоги из дорогой кожи. Клим подал одну палку заплочных дел мастеру, ИстOME Толокнову. Верзила в красной рубаше погнул ее, повел бородой на проходивших мимо Виричева и стрельца. Задумался.

– Охоч платить? – спросил судейка мужика.

Тот двинул ногами в избитых сапогах.

⁴⁸ Чуга – вид кафтана для конников.

Заплечных дел мастер шагнул к привязанному, шевельнул медвежьими лопатками под красной рубахой, откинул шапку, но, прежде чем ударить, ткнул концом ореховой палки в спину крестьянина:

– Слышь, что ли? А не то правёж начну!

– И рад бы платить, да...

Судейка махнул рукой и изготовился считать.

Первый удар хрястнул по голенищам сапог. Голова мужика вжалась в плечи, натопорщились волосы на затылке, а напряженное тело деревянно дернулось вверх. Потом послышались удары еще, еще...

– Ежедень бит будешь! – твердил судейка после каждого удара.

А народ галдел:

– Ты не гораздо его!

– Кудельки бы подмотал, дурачок!

– Дурачок и есть: что бы голенища-то кожей во трирядь подшил, так нет! Не к теще вели... Эх, останется без ног!

Мужик только стонал.

Ждан Иваныч прибавил шагу.

– Сколько он рублёв имал? – спросил он стрельца.

– Четыре рубли, – охотно ответил тот.

– У целовальника?

– У него.

– Откуда он, правёжный-то человек?

– Из Косоухова.

– Гулящий?

– Не-ет, не вольный он.

– Кабальный?

– Не-ет, тяглый. Подати справно платил.

Вышли на набережную Сухоны. Солнце брызнуло прямо в глаза еще не окрепшим, но таким ярким пламенем, что стало больно глазам. Ждан Иваныч приостановился, пока стрелец засмотрелся на иноземное судно, и понуро, как старая лошадь, разжимал прокопченные веки. Весна... Это чувство, всегда радостное, пробивалось через страх перед неизвестностью. Вот оно, солнце, снова вышло к людям, и хотя поднимался еще холодок от непрогретой воды, хотя тянуло промозглостью из потаенных лесных низин, но была у людей необманная надежда – солнце. Оно грело, сушило землю.

Далеко в полях Засухонья, за Дымковской слободой, за Троице-Гледенским монастырем, где торчали шатры одиноких часовен, уже поднимался от земли пар, суля скорую пахоту. А дальше, куда хватал глаз, темнели бескрайние леса. И хоть иди день, иди неделю, две, три – все будут тянуться эти леса, а если идти сквозь них, то, как болтал пострел Семка Дежнёв, дойдешь до Камня. Перевалишь через те горы-Камень, а там откроются новые, еще мало кем виданные земли – с реками, могуче тутошних, с топями непроходимыми, с увольями, с таким богатством, какого нет ни в одной земле. И с волей. И есть будто бы Обь-река, а близ моря стоит над той рекой каменная баба и смотрит, и ждет людей, и поклоняются ей тамошние самоеды⁴⁹. А дальше – снова земли. Русь... Где начало ей, где конец? Иноземцы спрашивают, а что ответишь, когда не мерены ее версты...

– Чего стали? – Стрелец с опаской посмотрел вдоль берега и заторопил кузнеца к воеводскому дому.

⁴⁹ *Самоеды* (ныне самодийцы) – общее название ненцев, энцев, нганасан, селькупов и других народов Севера.

– Филька, скажи: дурнѧ мне ждать? Откройся! Или ты забыл добро? Не я ли тебе наконецники ковал? Не моей ли работы кольчуга у тебя на стене висит?

– Стрелы, кольчуга теперь не в чести, вон московские щеголи смеются над нашим оружием.

– А шлем-шишак не моей ли работы? А алебарда твоя? А? Кто ее делал?

Ждан Иванович остановился, решительно повернулся к стрельцу и, ни шагу не отступя, глядел на него сверху.

– Филька, запрашивай любой посул, только откройся.

– Два наконецника к копьям! – выложил условие стрелец.

– Сделаю. Говори!

– Побожись!

– Вот те крест святой!

Филька зверьком прищурился, зыркнул по сторонам и, поднявшись на носки, просипел в ухо кузнеца:

– Иноземный гость с утреннего корабля к воеводе пожаловал. Прямо поутру.

– Ну?

– Чего – ну? Надобность какая-то в тебе сделалась.

– К добру иль худу, как мыслишь?

– Неведомо... – покривился стрелец.

– Может, какое сыскное дело учинить вознамерились, так я не грешен ни в чем, хоть распни.

– Неведомо, какое дело, только слов поносных говорено про тебя не было. А фряга-то через толмача все про царя-батюшку, Михаила Федоровича, поминал.

– Ну? – совсем расстроился старик.

– Ну а тут-то я как раз и послан был. Воевода выглянул на крыльцо – я стою, ну и послал.

– А иноземец?

– А тот следом за мной вышел, на корабль или в своих рядах пошел околачиваться.

– А чего воевода сказал тебе, когда посылал? – допытывался кузнец.

– Ничего не говорил, и больше мне ничего не ведомо, вот те Христос!

Стрелец истово перекрестил свою пропойную рожу.

– Ну, пошли уж... – вздохнул старый кузнец.

– За наконецниками завтра приду! – сразу напомнил стрелец. – Смотри обмануть не надумай!

– Остаться бы живу – не обману.

А впереди, прямо над домом воеводы, поднимался ажурный крест Никольской церкви, весь в завитках да прорезях, видный, поражающий размером и воздушной невесомостью сквозных частей. Это была первая юношеская работа Ждана Ивановича, выставленная на суд всего города. Эта поковка была и гордость и радость мастера, а сейчас вдруг выставилась над хоромами воеводы и властно звала к себе, как судьба.

Глава 7

Воевода Артемий Васильевич Измайлов удивлялся самому себе: приехал московский стряпчий с указом да два опальных стрельца – и всего-то! – так чему тут волноваться? А он всю ночь спал беспокойно, а если по совести – глаз не сомкнул. Не верилось ему, что стряпчий прислан только с указом, да и стрельцы какие-то непонятные люди, из новых, что ли? В навечерии загоняли Акима и подлючницу, требовали то мяса принести, то меду, то пива. По двору ходили, как петухи надутые, дворню пинали. Уж не из Тайного ли приказа подсылные люди? Хорошо, не отправил их сразу к стрелецкому голове, милосердие показал: с дороги люди... И почему они прибыли не насадом⁵⁰ из Вологды, а в крытой колымаге? Почему остальные остались в Вологде?

Артемий Васильевич не мог найти вразумительных ответов на эти беспокойные вопросы, а в ночи эти вопросы чертями прыгали в глазах, наваливались на горло, вырастая в необоримую гору. Утром, еще до колокольного звона, он вдруг услышал, как где-то на Пушкарихе стучит кузнец, услышал и обрадовался этому живому звуку. Вскоре спасительный свет пополз по стенам крестовой комнаты, осветил серебро и золото иконных риз; большой сундук, кованный медью, знакомо высунулся углом из горницы, а там, в глубине ее, в крепнушем с каждой минутой свете вырисовался четко и спасительно посудный поставец. Наконец-то утро!

А потом воевода больше часу ходил по горнице из угла в угол, в душе радуясь тому, что накануне не напился с гостями и не наговорил лишнего. Это его ободрило, и, как всегда в таких случаях, он вспомнил новый, 1614 год, когда молодой царь в великом смятении собрал духовенство, бояр, думных и даже посадских людей. Было над чем подумать! В поморские и замоскворецкие города и уезды пришли воры, собранная денежная казна на Москву привезена не была.

Собор приговорил: «Послать к ворах властей, бояр и всяких чинов людей и говорить ворах, чтобы они от воровства отстали». Все это сказано было в Ярославле. Только не отстали воры от воровства своего, а еще пуще прежнего стали государю изменять: церкви Божии разорять, образа обдирать, православных христиан грабить, жечь да побивать. А потом пришли к Москве и стали лагерем на Троицкой дороге в селе Ростокине. Оттуда они посылали царю грамоты и посыльных, требовали денег, корма, а не то грозили прийти ратным обычаем и Москву спалить. Вот тогда-то и послан был на них воевода Лыков да он, Артемий Васильевич Измайлов. Не шутки шутить пошел. И как только они пришли к Симонову монастырю и стали против казацких таборов, то воры бросились бежать. Помнят ли это там, на Москве? Помнят ли, как он, походный воевода Измайлов, кинулся за ворами по Серпуховской дороге и несколько раз побивал их, а главную толпу настиг и побил уже в Малоярославском уезде, на реке Луже. На Москву привели 3256 воров...

Вовремя подошла та победа, а то не сносить бы головы Артемию Васильевичу. А все почему? Потому что годом раньше, когда шла война с литовскими людьми в Северной земле, не ладили меж собой сильные: Хованский, Гагарин да Хворостинин. А задело его, Измайлова. Навел кто-то на него опалу – оговорил Артемию Васильевича, будто ссылался он с литовскими людьми. Слухи шли, что государь требовал об Измайлове сыскать крепкими сысками, да все, видно, было недосуг. Завистникам казалось, что это легко. Не-ет, нелегко. Большие счета пошли на посольском съезде: поляки требовали немалые деньги за замирение, а Москва предъявляла счет за убытки от Смутного времени. Какие это убытки, об этом немногие знают, а он, Измайлов, сам читал их перед послами. Не ударили тогда лицом в грязь, не опростоволосились. Потому через год Артемий Васильевич снова был на великом деле – присутствовал

⁵⁰ *Насад* – древнерусское плоскодонное парусное судно.

третьим уполномоченным при обмене пленными и возвращении из плена самого государева отца, Федора Никитича, нынешнего патриарха Филарета. Такое не должны забыть на Москве. Нет, не должны!

От этих воспоминаний сошла немного короста с души, да и утро разгулялось ясное. Артемий Васильевич вышел во двор, сделал неполный обход хозяйства, поколотил, как водится, кое-кого, но без большой охоты. Навел порядок. Вскоре пришел иноземец с английского корабля. От угощения отказался. После англичанина опять напала хандра, потянуло на еду.

– Эй! Квасу и баранины! – крикнул он.

Из подклети вверх по внутренней лестнице чертенком кинулся сын кухарки с братиной кваса. За ним, с блюдом баранины, пошел Евграф Ноздря, приближенный человек воеводы, доводивший великоустюжскому самодержцу все новости, тайны и сплетни. Таких любят держать около себя все сильные, к ним привыкают, как к животным, как к вещам, и уже не могут без них обойтись. Евграф Ноздря возвысился до ключника, метил в постельничие, коих многие бояре, по цареву обычаю, потихоньку заводили. Ноздря уже осмеливался порой давать воеводе советы, он имел право вмешиваться во все дела по двору, в вотчинных и поместных деревнях воеводы. Он нередко бивал дворню за леность или так, службы ради. Но особенно был беспощаден со скорняком-кожемякой, здоровенным, как буйвол, но смиренным детиной, когда обнаруживал моль в собольей кладовой.

– Вот баранинка, отец родной! – засветился улыбкой Ноздря, показавшись в дверях, и не столько склонился перед вельможей, сколько приподнял к груди медное блюдо.

– Не проснулся еще? – Артемий Васильевич набожно закатил глаза к потолку, где в надстройке под самой крышей ночевал стряпчий.

– Храпел гораздо, а тут враз замолчал и ворочаться почал – проснется скоро! – заговорщицки сипел Ноздря.

– Как проснется – зови!

– В тожечасье! – склонился Ноздря.

– И кузнеца посматривай. Послано.

– И это поведаю враз!

Евграф Ноздря был из тех, что не переломятся в службе, он лишь умел делать вид дельного и полезного человека. Сейчас он даже под взглядом воеводы пошел к порогу неторопливо.

Как только дверь за Ноздрей закрылась, Артемий Васильевич почувствовал нестерпимое одиночество. Прошел к порогу и вернул Ноздю.

– Взгляни-ко, какую мне ложку поднес фряга! О! Из чистого олова, он сказал. Видать, в Англии сотворен этот материал, как думаешь?

– Гораздые умельцы эти агличане! Гораздые, Артемий Васильевич, отец родной...

– Ступай! Да скажи там, внизу, чтобы все было, как надо: питье, еда всякая, а не то!

Ни приезд стряпчего и стрельцов, ни даже воспоминания не вытеснили из головы воеводы утренний приход иноземного гостя. Немало заинтересовала его и просьба этого иностранца. Задумался. «Если этот фряга не врет, если с послом Мериком будет видеть царские очи, то надо постараться... Чего-то кузнеца не ведут? А если и это дело уладится да царю или в приказах станет известно – то и совсем хорошо...»

Мало-помалу беспокойная жилка в груди улеглась, и Артемий Васильевич осторожно допустил крамольные думы, не раз посещавшие его и раньше. Вот уже который год при упоминании о царе все ему казалось, что тот был выбран неправильно, что наследная престольная линия тут не больно пряма. Да и откуда быть ей прямой, когда столько родов удельных князей пресеклось насильственно. Сколько кровавых рук держало скипетр, и за каждого молились. Теперь вот патриарх вмешивается в дела царские, мешая боярам и служилым людям. Кто из них царь больше – Филарет или Михаил? Поди разберись, когда оба правят! Ну и земля! То не

было ни одного, то сразу два! Ох, Русь... Непонятны привязанности царя: одних приблизил, других оттеснил.

Особенно было обидно Артемию Васильевичу за тех, кто не пером, а мечом отстаивал святую Русь. А это службы несравнимые! Да и тут не все были равно поверстаны⁵¹ царским жалованьем. Ему, Измайлову, не было дадено кабака ни на один год, только и милости этой великоустюжской дали на откуп. А скоро ли наберешь эти рубли с этой гóли? Месяцев за восемь, себе-то останется выручка лишь за четыре... Вот так-то! А Митька Пожарский получил в день коронования звание боярина, на торжестве был третьим, после Ивана Романова и Трубецкого, а первой их был Мстиславский, тот золотом осыпал царя. Романов шапку Мономахову держал, Трубецкой – скипетр, а Митька – яблоко-державу. Подвезло человеку... Да ему-то ладно, а мясник, мясник-то куда лезет, Минин-то Кузьма? В окольнічие⁵² пожалован, стал прозываться думным дьяком! Вот до чего докатились!.. А воевода Никита Пушкин не мог гиль унять в Вологде в том 1609 году. Чернь, мужичье, страдники⁵³ выволокли его из хором, как котенка, и в тюрьму кинули, а сами пошли за Самозванцем. Вот так воевода! Хорошо, через день-два одумались: снова вытащили его из тюрьмы и править поставили. Воевода! А сейчас на Москве. При деле. Да-а... Если бы у него, у Измайлова, страдники поднялись – он бы им показал! Он прошелся бы по матушке сырой земле, его бы узнали! Вот где и без похода можно себя показать!

Все эти размышления о государстве и власти очень любил Артемий Васильевич. Лишь стоило ему раздуматься над царедворной суетой, лишь стоило в уме назвать Пожарского Митькой, Пушкина – Никиткой, Минина – Кузьмой, как сам он вырастал в собственных глазах, казался достойнее, мудрее, важнее их.

Смутное время вселило в головы россиян необычайную для этой земли мысль – мысль о том, что царская власть не так уж божественна, как казалось всей Руси до сего времени, что она может скоро меняться и приходить в руки того или другого человека совсем не царских кровей. Даже мужик и тот не так трепетно стал произносить имя царя, а что говорить о людях сильных? Не случайно Артемий Васильевич размышлял о том, что если конюшенный⁵⁴ боярин Годунов был царем, а Гришка-расстрига смело заменил его и поселился в священных царских покоях, запустив руки в наследные сокровища, то почему он, Измайлов Артемий Васильевич, не может тоже сидеть в Грановитой палате и угощать иноземных послов?

– Почему?! – вдруг закричал он во весь голос.

На крик вышла из боковой двери боярыня Ефросинья, а за ней – девушка с гребнем. Он глянул на них сбоку, по-петушиному, и крикнул:

– Почему квас не кислый, а?.. – И швырнул братину на пол, обрызгав подол боярынина сарафана.

Девушка жалобно охнула и закрестилась. Артемий Васильевич топнул ногой.

– Ефросинья, одень дворню, кому хватит, и всех на подворье! Да живо у меня!

В это время вошел Ноздря.

– Артемий Васильевич, проснулся Москва!

– Та-ак... Поддай штаны! А вам чего сказано? – рявкнул он на жену и на сенную девку, жавшуюся к ней.

Боярыня гордо подняла голову, но не подняла глаз, медленно повернулась к двери в свою половину – блеснул шитый золотыми нитками высокий кокошник, полыхнули камни на ожерелье. Не боялась она мужа, но по долгу покорялась.

⁵¹ *Поверста́ть* – пожаловать, наградить.

⁵² *Око́льничий* – высший думный чин, приближенный царя.

⁵³ *Стра́дник* – холоп, человек незнатного происхождения.

⁵⁴ *Конио́шенный* – почетное звание заведующего конюшнями царя.

– Зови, что ли! Нет, постой! – крикнул Артемий Васильевич Ноздре.

Он подвесил к поясу средний нож в кожаном, в камнях, чехле, поверх которого торчала ручка рыбьего зуба, тоже украшенная дорогими камнями, – подарок от купцов. Затем достал из сундука – пришлось повозиться с замком! – шелковый шнурок и подвесил на нем к поясу оловянную ложку. Теперь все вроде было в порядке: пол подметен, суконные полавочники еще вчера были сменены на шелковые, шитые серебром, в поставец с посудой боярыня поставила два серебряных кубка – подарок местных купцов.

– Давай его сюда! – окончательно махнул рукой Артемий Васильевич, нетерпеливо заходил по горнице, зашаркал сафьяновыми сапогами по широким полубревенным половицам.

Глава 8

За долгое утро в душе Артемия Васильевича перемололись страх и перед прежним оговором, и перед новыми, хорошо сокрытыми делами наживы и опасение перед опальными стрельцами, которые вполне могли быть подосланы Тайным приказом. Все эти чувства и десятки других вроде задетой гордости, желания остаться независимым, стремления показать себя выше по чину какого-то стряпчего – все эти чувства понемногу улеглись, притихли, но не покинули Артемия Васильевича. Они, ослабевшие, но живые, были охвачены и оборены новым, не менее властным чувством любопытства, удовлетворить которое Артемию Васильевичу хотелось немедленно, ибо наконец-то они с Коровиным останутся наедине, и вот тут-то, в разговоре застольном, за добрым пивом да медом, многое должно разузнаться, встревожить или, наоборот, успокоить душу.

Но вот послышались шаги стряпчего. Он отворил дверь, осовело ввалился в горницу, помотал нездоровой со вчерашнего головой, будто запутался в паутине, и потянулся было к столу.

– А! Архип Степанов! – усмехнулся хозяин.

– Доброго здоровья...

– Почто у заутрени не был? – сразу огорошил его воевода, загораживая дорогу.

– Да вот те крест, не слышал звону!

– А стрельцы-молодцы?

– А чего с них...

– Или они особой закваски? А? – настороженно прищурился Артемий Васильевич.

– Какое там! Бражники, блудники да корчемники – вот кто они. За корчемство-то и поплатились.

– А это ты дельно разузнал? По листам? – радуясь, что так сразу взял в разговоре быка за рога, напирал хозяин.

– И по листам, и по разговорам. Да их не токмо в слободе стрелецкой знали, айв Белом граде, и в Земляном, и в Скородоме⁵⁵, и на Пожаре⁵⁶ всем известны. Неисправлением стрелецкого головы распустились. А ты думал, к тебе из приказа напроважены?

– Ничего я не думал!

– И не надо! Пустые это людишки, из худородных. Неисправлением стрелецкого головы...

– Ну мы их тут построже!.. – облегченно вздохнул Артемий Васильевич. Дернул за рукав стряпчего, повел к столу. – У нас тут – не на Москве: каждый на виду... Что – больно?

– И не говори! Как старый пень – вся в трещинах! – ухватился стряпчий за голову.

– А мы с тобой сейчас без мешкоты медку или пива, вот и будет добро. Это лучше всяких заморских докторов помогает.

Артемий Васильевич отошел к двери, отворил ее ударом ноги – грохнуло в стену кованой скобой – и весело крикнул вниз по внутренней лестнице:

– Эй! Подавай!

И тотчас загромыхали дверьми внизу, зашикала по лестницам домашняя челядь, понесли блюдо за блюдом.

⁵⁵ *Скородом* – так называли в то время быстро строящийся после пожаров деревянный город между Земляным валом и Белым городом.

⁵⁶ *Пожар* – так называли часто горевшую торговую площадь у Кремля. С середины XVII в. площадь стала называться Красной.

Первым вплыл в горницу Евграф Ноздря. Он сам тащил большой глиняный горшок с холодным пивом, со льда. Следом несли медный жбан с сычужным медом⁵⁷, крепким и холодным, – тоже со льда. Около огромного бараньего окорока поставили кувшин двойного вина, такого, что медведь лизнет – свалится.

– Разносолы! Разносолы несите, собаки! – выслуживался Ноздря.

Он сам, стоя у порога, вырывал из рук стряпужей челяди блюда и собственноручно ставил их на стол.

Гость, как и накануне, был усажен на столец⁵⁸, а сам Артемий Васильевич чуть сдвинул стол к огромному сундуку, сел на него и с этого любимого возвышения, как царь со своего приступа, взглянул на стряпчего.

– Подвинь кружку!

В это время неслышно вошла в горницу боярыня Ефросинья. Она сменила сарафан, надела хоть и старомодный, но любимый ею за узкий, облегающий ее фигуру покрой. Она смотрела на своего повелителя. Ждала. Артемий Васильевич глянул на нее, потом – на стряпчего и решил, что много чести устраивать ради такого захудалого чиновника целовальный обряд. Не стоит он этого. Жестом руки отправил жену в ее покои.

– Вот тебе сычужного медку, Архип, Степанов сын! – весело входил хозяин в роль хлебосола. – Ну-ко, пригуби поретивее, Архип Степанов!

Артемий Васильевич особенно старался подчеркнуть разницу между стряпчим и собой, нажимая на отчество – Степанов. Никаких «вич» Коровин и не надеялся услышать, ибо такое окончание в отчествах имели только удельные князья, бояре да воеводы, но зачем уж он, воевода, так жмет? А хозяин, чтобы Коровин не забывал, кто он такой, решил окончательно подавить москвича безобидным вроде вопросом:

– Сколько же на Москве вашего брата стряпчих? А?

– Да человек... ежели по всем сорока двум приказам⁵⁹ пройти, много сот будет, – ответил и увял Коровин.

Артемий Васильевич самодовольно посмотрел на Коровина с высоты своего сундука, распустил гашик⁶⁰ суконных штанов и с неожиданным для себя аппетитом принялся за еду. Опрокинув одну за другой две стопы вина, повеселел еще больше и уже ради простого интереса спросил:

– А в Вологде кто остался? Слуги твои?

– Слуги да два подорожных стрельца. Разболелись от тряски да худой воды, а меня Бог спас. – Коровин выпил еще кружку меда и тоже пообмяк, робость поотошла. – А тебе, Артемий Васильевич, – заискивающе улыбнулся он, – тебе кланяться велел Великоустюжской Чети приказный дьяк наш – Прокофий Соковнин.

Артемий Васильевич молча поклонился и сразу же прикинул: «Надо будет послать ему соболей сорока⁶¹ три...»

– Молодой еще, родовит, батюшко, вот только прихварывать стал частенько. Раза три во царевы палаты по утрам не приезжал, так государю нелюбо показалось, хоть и больной. Ненадолго, видать, уместился он в дьяках, раз хворь подступает. Раз живот опал, жди нелады: закроют.

«Пожалуй, хватит Соковнину и одного сорока...» – тотчас передумал Артемий Васильевич.

⁵⁷ *Сычужный мед* – густой мед, в который клали сычужный порошок, приготовленный из слизистой оболочки желудка телят.

⁵⁸ *Столец* – массивный низкий табурет.

⁵⁹ Количество приказов в XVII в. точно неизвестно. Разные исследователи считают, что их было от 40 до 70.

⁶⁰ *Гашик* – шнурок, завязывающийся на талии, на котором держатся штаны.

⁶¹ *Сорока(40)соболей* было достаточно для пошива шубы.

Он снова навалился на еду. Ел много, заразительно, не то что Коровин после тяжелого похмелья. Поднималось настроение. Не иссякал интерес.

– Будет ли нынче царская свадьба? – спросил он.

– Молва идет разная, а толком никому ничего не ведомо. На Хлопову невесту, слышал небось, порчу навели: падучей болезнью взята, а от того, что... – Коровин привстал из-за стола, наклонился к воеводе и прошептал: – Салтыковы замешаны. Свою дочь, видишь ли, прочили в жены государю – они и порчу навели. Быть великому сыску в их деле. Быть! Заместо царева родства Сибирью посватают, за Камень ушлют.

– Не без этого... А как там поживает Митрей Михайлович, где он сейчас посиживает да чего подделывает?

– Боярин князь Пожарский Дмитрий Михайлович на Разбойном сидит, всем приказом верховодит.

– Та-ак...

Артемий Васильевич прикинул, что надо бы и Пожарскому послать пару сороков соболей, да лис бурых и рыжих, да куниц для его жены. Не ровён час, накатит оговор какой или доведут Москве про его воеводские строгости, неугодные умышления да большие посулы с мира – беда! За одни посулы теперь в опалу попадешь, а вчера, как на грех, полученные в семге рубли ему передали... Нет, князь Пожарский – большая заступа в беде.

– А здорова ли его женушка, княгиня Прасковья Варфоломеевна? Не видал?

– Как видеть? Не видал...

– А бывает ли у них этот... – Артемий Васильевич намеренно задумался, почесал оплывший жиром затылок, ощупал бородавку, потом, как бы в совершеннейшем страдании, сдвинул со стриженной головы на лоб шитую золотом тафью⁶² и наконец с горькой гримасой назвал: – Кузьма Минин?!

– Мясник-то? – угодил Коровин и ответом, и настороженной улыбкой. Опытный он был человек в обращении с начальными людьми. – Давненько не слышно на Москве. Разве когда большой собор, так наезжает с мясным обозом по старой памяти, а так все время в Нижнем, поди, живет. Поместья и вотчины – царские милости – все там. Что ему на Москве?

– Да-а... Минин, Минин... А тебе известно, что этот самый Минин... – Артемий Васильевич привстал, наклонился к Коровину и, выпучив глаза, поведал: – Этот самый Минин своим прямил⁶³!

– Кому?

– Всем ведомо, как он платьем одарил родную сестру Федьки Андропова сразу после того, как его повесили, а ее, Афимью, повез из Москвы Богдашка Исаков, торговый человек, нижегородец. Тайно вез! – При этих словах Артемий Васильевич схватил Коровина за бороду.

– Сестра не ответчица! – слабо выкрикнул стряпчий, высвобождая бороду из плотной сальной руки воеводы.

– Вот как? А ты забыл, что она, Афимья-та, еще и разлюбезная женушка самого вора Иваньки Болотникова! Вот ты теперь и поприкинь разумом-то!

– Так отчего же они свои с Мининым? – не понимал Коровин.

– А оттого! Федька Андропов из кожевников выворовал званье думного дворянина – тушинский он дворянин-то! – а Минин из мясников стал окольниковым да думным дьяком. Только и разницы в них, что один от Тушинского вора был поверстан званьем, а этот от самого царя.

Коровин хотел возразить, указав, что в этом и есть большая разница, но осмелился только заметить:

⁶² *Тафья* – домашняя шапочка, круглая, плотно прилегающая к голове, в виде тюбетейки.

⁶³ *Прямить* – здесь: потакать, потворствовать.

– Минин сто рублёв отдал на войско.

– Тьфу! Вот его сто рублёв. Ведомо ли тебе, сколько добра ушло в Смутное время через руки вора Димитрия? Не ведомо? То-то! А я, когда ответным человеком на съезжании с польскими послами был, я все разузнал. Вот слушай!

Артемий Васильевич выбрался из-за стола, на ходу расстегивая рубаху и доставая ключ, висевший на гайтане⁶⁴. Он принес небольшой кованый сундучок-подголовник из соседней, крестовой, комнаты-спальни. Когда он его открыл, в нос ударил запах соленой семги от монет посула, коими вчера поделился подьячий Онисим Зубарев. Под серебром, под драгоценными ожерельями и серьгами – все больше подарками купцов, ремесленных людей, людей стрелецкой сотни – лежали деловые бумаги. Одну из них и достал рассловоохотившийся хозяин.

Артемий Васильевич сел на свое место, чуть отставил лист и стал читать, больше на память, чем действительно разбирая написанное с листа.

– Вот слушай, чем мы послам возражение имели. Вот сколько ушло в Польшу: «Три узды и дорогие сабли; чаша золотая, полная драгоценных камней; ожерелье царицы и большое кольцо; платье царицы; чаша гиацинтовая⁶⁵ с ручкой из золота; сорок фунтов крупного жемчуга; корабль серебряный в золоте; крестьянин, сидящий на олени, десять лет назад купленный у Филиппа Гольбейна; часы из черного дерева; ожерелье царское». Понимаешь? – значительно произнес он.

Коровин кивнул, представляя все это богатство.

– А еще, – продолжил Артемий Васильевич, – через посла Афанасия Власова, отправленного в Польшу, отданы в Кракове по повелению того же вора Димитрия еще подарки: городу Кракову персидский ковер, изображающий сражения, чрезвычайно искусно сделанный. Да еще, сверх того, подарки посылались – тут все записано.

– Да-а! – крикнул Коровин.

– Вот так-то! А ты говоришь, что Минин сто Рублёв дал. Больше не говори мне об этих рублях! Вон тут какие рубли ушли из казны, да и то записанные, а сколько ушло тайно? То-то!

Артемий Васильевич выпил сгоряча стопу вина, хрустнул головкой лука и торопливо сунул в рот большую ложку красной икры, заправленной конопляным маслом.

– Ладно, забудь! Пей, ешь да скажи мне: почто указ такой писан? Не вразумлю никак.

– А это потому такой указ на Москве писан, чтобы народ не разбрелся розно, чтобы мужик, значит, у земли жил да прибавку государевой казне творил. Сейчас вся земля в запустении великом. Я вот проехал чуть не тыщу верст, посмотрел – ознобом душу захолонуло: пустые деревни стоят, пашни заросли, мужики разбрелись, многие воровать пристрастились, Бога забыли, никакого проку от них, а расход казны по всей Руси велик есть. На Москве сорок два приказа, да в них приказных людей – стольников, нас, грешных, стряпчих, дьяков, подьячих, толмачей-переводчиков – больше тыщи, а всех надо жаловать и копейкой, и платьем, да многие с царского стола глядят взять. Послов всяких корми-пои да подарки давай, а не то войну не в пору накличешь. А казаки? Те и вовсе обезбожились – ежегодно жалованья требуют, да с угрозой. На Крым вопреки цареву указу ходят, а как станут крымских татар воевать, так те татары присылают своих мурз и требуют за то казацкое воровство вне очередь подарки с царя. А откуда? Опять из казны. Сколько глаз туда смотрят!

А сколько ныне приписных дворян, без земли, тех, что только и знают, что службу служат на царевом жалованье? А сколько войску прибыло за это смутное время? Сколько стрельцов этих развелось? Много. И никто не хочет с коня слезть: в седле-то удобней, чем в кузне или за сохой. Вот ты теперь и посуди сам, Артемий Васильевич, каково ныне государевой казне? А

⁶⁴ *Гайтан* – шнур, лента, тесемка.

⁶⁵ *Гиацинт* – драгоценный камень кроваво-красного цвета.

на Москву еже день все идут и едут, идут и едут по родству и так – захребетники. А ведь никто тягла не платит. Сыщи их поди: Москва большая, схоронится – не найдешь. А недавно...

За окошком, через раскрытые ставни, слышался крик с площади, от правёжного столба. Там поставили, должно быть, слабого человека. Не вовремя поставили...

– Евграф! – крикнул Артемий Васильевич, и в ту же минуту появился в дверях Ноздря – подслушивал. – Затвори окошко: говорить мешают! – приказал хозяин. – Да принеси-ко теперь красного меду!

– Ежевичного?

– Малинового неси!

– Да Артемий Васильевич! Да батюшко! Да я для тебя головы не пожалею, не только ног! Да я сейчас самого что ни на есть лучшего...

– Живо!

Ноздря пошел к дверям, вжав голову в плечи, но все тем же неторопливым шагом, раздражавшим Артемия Васильевича: в этом шаге холопа казалась ему какая-то скрытая насмешка.

– А недавно, говорю, – продолжал Коровин, – вызвал государь-патриарх киевских ученых монахов, тоже на разорение казне.

– Чего делают?

– Книжки читают. Проверяют. Все новые книжки – постановлено – к ним в ведомость идут. Напишет, к примеру, князь Семен Шаховской свою летопись, или похвальное слово святым, или канон⁶⁶ какой, или там разные послания, вроде к шаху Аббасу⁶⁷, – все это идет в ведомость сначала, дабы чернокнижья⁶⁸ не развелось. А уж Шаховской мастер писать. Письмо патриарху так выписал – просил, дабы разрешено было ему четвертый раз жениться, – что патриарх будто бы прослезился. Большой умелец письмен. Так и его книжки все идут, говорю тебе, в ведомость к тем монахам, а потом уж впрягаются в золотые застезки.

– А окромя тех монахов на Москве не было никого, что ли? Именно их выписали?

– Зело грамотеи великие. Они языки знают. Им вменено учить риторике.

– Кого? Бояр? – спросил Артемий Васильевич ревниво.

– Не-ет... Их не научишь, – виновато покосился Коровин.

– Кого же?

– Боярских детей.

– А это ты к чему?

– А к тому все, что и эти монахи тоже царевым жалованьем поверстаны.

– Много ли?

– А жалованья им дадено, как сказывал мне подьячий Печатного приказа, вот сколько: корма по четыре алтына поденно, питья по две чарки вина с дворца, по две кружки меду, по две кружки пива.

Все получают. Сидят. Читают старцы. Пишут. Один перевел Плиния Младшего⁶⁹. Сколько сидел да жалованья получал – не ведомо, а все тоже из одной казны – к этому говорю. Вот ты и поразмысли: откуда взять всего столько, как не с мужика! Вот он, указ-то, и пошел во все концы.

На площади опять прокричал человек.

За столом посидели, послушали.

– Ты чего-то худо ешь. Что – еда не московская? – нахмурился Артемий Васильевич.

В горницу вошел Ноздря с кувшином красного меда.

⁶⁶ *Кано́н* – здесь: церковная песнь в похвалу святого или церковного праздника.

⁶⁷ *Шах Аббас* (1571–1629) – шах Персии (Ирана) с 1587 г., крупный военачальник.

⁶⁸ *Чернокни́жье* – книги по магии и колдовству.

⁶⁹ *Пли́ний Младший* (61 – ок. 113) – римский общественный деятель, писатель, оратор, адвокат, консул.

– Чего долго?

– Бежал, батюшко Артемий Васильевич, да за притолоку башкой задел – искры из глаз посыпались. Прямо лбом засветил со всего маху! – врал Ноздря.

– А где синяк? – прищурился хозяин, учуяв что-то в голосе холопа.

– Тут должен...

– Подойди-ка, посмотрю.

Ноздря подставил лоб и в тот же миг получил тупой удар оловянной ложкой.

– Вот теперь есть синяк! Есть! Посмотри, Архип Степанов, есть?

Ноздря отшатнулся, схватился ладонью за лоб и, непритворно пошатываясь, вышел из горницы.

– Хорошую ложку фряга подарил. Такой ложкой есть жалко – ее для лбов поберегу, – посмеивался Артемий Васильевич.

Стряпчий Коровин заглянул в братину, допил белый мед и налил красного.

Артемий Васильевич разгорелся от крепкого вина, но не насытился им – снова налил стопу.

– Мужика пожалеешь – без кафтана останешься. Царь Иван Васильевич Грозный не раз говаривал: народ что борода: чем больше стрижешь, тем она лучше растет, гуще. Вот ведь как сказывал всемогущий царь!

– Мудрость невелика... – скромно заметил Коровин.

– А слышал, как он рубли из Москвы выколол? Нет? Я еще мал тогда был – лет восьми ростом, – а помню. Заставил Иван Васильевич собрать Москве колпак блох, для леченья будто бы. Срок положил четыре дни. Да разве блох соберешь! Набрать-то их набрали, может, и больше, да не удержишь! Срок-то прошел, а блохи ускакали! Ха-ха! – Артемий Васильевич наклонил голову к столу, ткнулся лбом в столешницу и хохотал, напрягая красную шею.

Коровин посмотрел, как дергаются под шелковой рубашкой его лопатки, выждал, когда хозяин успокоится, и с деланным интересом, хотя и сам знал, что было такое на Москве, спросил:

– И каково же окончание того промысла царева?

– Разгневался для виду, а потом помиловал – велел за неисполнение царской воли своей собрать с Москвы по полтине с головы. Вот как дела делались! Зато и царства ему покорялись, что Сибирское возьми, что Астраханское, что Казанское! Он бы и еще отгромил – и Литву, и Польшу, – да смерть помешала. Да ты разоблачись! Жарко, поди, в кафтане-то?

Коровин не возражал, не поддакивал: он был сыт и доволен угощением. Пот выступил у него на лбу от малинового хмельного меда. Он распарился. Расстегнулся блаженно. Говорить и думать хотелось только о хорошем, и он хотел было найти подходящую тему, но отворилась дверь, и вошел Ноздря.

– Артемий Васильевич, там кузнец ждет. Стрелец его...

Хозяин махнул рукой – пусть подождет. Выпил еще стопу вина, закусил грибами и забыл, о чем только что говорил со стряпчим, но разговор продолжил:

– Так твоя посылка в том и есть, что указ привез?

– Вся в этом и есть, истинно говорю!

– Добре! Пойдем-ко, я покажу тебе за это свои кладовые!

Воевода надел на шею ожерелье из серебра, украшенное драгоценными камнями, поверх скуфы⁷⁰ нахлобучил, но тут же поправил кунью горлатную шапку⁷¹, заломил слегка тулью и, разгорячась, прямо в теремной шелковой рубахе, с ножом у левого бедра и с оловян-

⁷⁰ Скуфья – остроконечная бархатная мягкая шапочка.

⁷¹ Горлатная шапка – сшитая из меха горлышек куницы, лисы или соболя.

ной ложкой – у правого, вышел через сени на просторный рундук⁷². Шел он впереди стряпчего, исполненный достоинства и несокрушимой веры в свое прочное положение в этом нелегком для житья мире.

Дворня – те, кто потрусливее, – как только воевода пошел с рундука на крыльцо, тотчас кинулась врассыпную. Кто был при деле или делал вид, что работал, задвигались старательно и нелепо, движения были неестественными, как все, что делается напоказ.

Артемий Васильевич сошел с крыльца, «причастил» кое-кого ложкой по голове и намеревался было пройти к длинному амбару о семи дверях, но заметил кузнеца. Вскинул бороду на ходу, присмотрелся. «Весь день кувырком! – с досадой подумал он, вспомнив, что сегодня не осматривал хозяйство и еще не давал распоряжений. – А теперь вот еще иноземец заботу принес. Поможет ли кузнец?»

Ждан Виричев стоял без шапки у левой башенки тесовых ворот, спиной к массивной калитке. Увидев, что воевода смотрит на него, поклонился в пояс, коснувшись рукой, в которой держал шапку, земли. Кровь в тот же миг кинулась в голову – порозовели уши старика. В этот момент к нему подскочил Ноздря, схватил за однорядку на спине, сильно толкнул на землю. Потом ретивый служитель несколько раз пригнул голову кузнеца за волосы к земле.

– Вот те! Вот! Будешь честь знать, страдник! В землю поклон бей!

Ждан Иваныч остался стоять на коленях. К нему подходил воевода.

– Виричев Ждан, сын Иванов?

– Истинно, отец наш... – прохрипел старик, еще не отдышавшись, а Ноздря изловчился и снова ткнул кузнеца в землю, на этот раз лицом.

Артемий Васильевич махнул кистью руки – прогнал Ноздю.

– Внимай, Ждан Иванов! Отправляйся без промешки на новый фряжский корабль, что нынче в ночи пристал, там ждет тебя фряга Джексон, исполнишь ему все, что он скажет. Уразумел, холоп?

– Уразумел, отец наш... – поспешно поклонился Ждан Иваныч, но уже в спину воеводе. Воевода повернулся к стрельцу Фильке.

– А ты пойдешь с ним, возьмешь во фряжском ряду московского толмача!

⁷² Рундук – крытая галерея с лестницей на крыльцо.

Филька не скрывал радости, что можно уйти с этого двора на волю.
– Ступай! – грубо крикнул он кузнецу, а сам воровато подмигнул ему.

Глава 9

Ричард Джексон, член английской торговой компании «Московская компания», образованной в Лондоне в 1555 году, считал себя атлетом. Но сегодня он охотно стал бы поваром Остеном Биром или кем угодно, лишь бы сбросить с себя эту убийственную, нечеловеческую усталость – результат последней недели плавания. Он из последних сил выдерживал осанку, подтянуто прошел по набережной Сухоны от воеводского дома до своего судна «Благая надежда», отдал у трапа распоряжение – постучать к нему, как только его спросят русские, и прошел в свою каюту. Притворив за собой дверь, он отцепил шпагу, снял шляпу, медленно стянул причудливо вышитые перчатки, расстегнул воротник. «Надо бы записать в дневник...» – мелькнуло у него в голове, когда он опускался на койку, но всякие движения, в том числе и движения мысли, были для него непосильными в эту минуту.

Следовало отдохнуть хоть немного, оставив все заботы: о судовых делах, о предстоящем сухопутном путешествии от Вологды до Москвы, даже о несчастном втором судне экспедиции – «Благое предприятие», унесенном бурей на север и до сих пор пока не вернувшимся. Забыть обо всем, но только не о том, что заставило нынче идти к воеводе... «Часы... Часы... Часы... – напряженно пульсировало в отяжелевшей голове, кровью стучало в ушах это слово. – Часы... Часы... Часы...»

Несколько дней назад на подходе к острову Спасскому, как раз близ того скорбного места, где в 1553 году погибла без пищи и от холода экспедиция сэра Уиллоби⁷³, distinguished моряка, рыцаря, погибла всего в каких-то ста милях от Святого Носа, – вдруг, будто повторение судьбы, разразилась буря.

Ричард Джексон в те часы обдумывал, какую жертву принести морю у Святого Носа, ибо считалось, что в этом темном, беспокойном, вечно туманном месте бросить мяса, масла или что-то еще необходимо. Он еще не пришел к решению, когда почувствовал сильный крен, какой обычно является результатом неожиданного шквала. Он поднялся на палубу и, как опытный моряк, тотчас понял, что поднимается серьезная буря.

За короткое время второй корабль экспедиции, «Благое предприятие», отнесло от флагманского, и вскоре за стеной еще не разогнанного ветром тумана, дождя и преисподнего сумрака на «Благой надежде» слышали прощальный выстрел. «Благое предприятие» исчез. Его ждали в бухте Святого Николая, но не дождались, и Ричард Джексон решил продолжать путь. Но прежде чем «Благая надежда» достигла бухты и вошла в устье Двины, корабль больше суток боролся со стихией. Опытная команда, купцы и все низшие должностные лица выполнили свой долг, спасая корабль и себя.

Можно было бы считать – при условии, что «Благое предприятие» прибудет в Великий Устюг, – считать и надеяться, что все кончилось благополучно, если бы не пострадала дорогая вещь, предназначенная самому русскому царю. Вещь эта – часы в великолепном деревянном футляре. Но футляр не пострадал от падения часов во время бури, а пострадал механизм. И если здесь не починить часы, то невозможно будет поднести этот подарок русскому монарху от имени английского короля.

Там, в Москве, должен состояться разговор с царем по очень важным вопросам, решение которых во многом может зависеть от столь редкого подарка. Без этих часов, считал Ричард Джексон, ничего не сможет сделать и посол Мерик, живущий сейчас в Москве и, по слухам, немало преуспевший и в дипломатии, и в торговых делах.

⁷³ Уиллоби Хью (?–1553) – английский мореплаватель. В 1552–1553 гг. исследовал Кольский полуостров и Северный морской путь. В Баренцевом море корабль был затерт льдами, вся команда погибла.

«Дипломатии... симпатии... Тьфу! А в тысяча шестьсот четырнадцатом году отказали Мерику в плавании английских купцов по Волге в Персию...» – вздохнул начальник экспедиции.

Не первый десяток лет англичанам не давало спать желание заполучить путь в Индию через Россию. Этот путь, если бы он был открыт, способен был противопоставить барышам испанских конкурентов Английского королевства свои невиданные барыши.

Англия уже завоевала европейский рынок своими сукнами, теперь ей нужен самостоятельный и непременно монопольный путь в Индию и Китай. Но Москва не разрешала проезд и при Грозном, и при Борисе. Однако теперь другой, молодой царь, – возможно, он позволит наладить английским морским караванам долгожданный путь на золотой дремотный Восток. Они, англичане, готовы, наконец, платить пошлину, а это деловое предложение. Опустевшая казна, разоренная смутой земля русская – это так кстати! Если не удастся склонить царя пропускать караваны по Волге, тогда надо добиваться на тех же условиях – по Оби.

«Часы... Часы... Часы... – не поддаваясь дремоте, старался думать Джексон. – Нет, все же долой отдых! Надо записать впечатления в дневник!»

Он заставил себя подняться. Из сундука для личных вещей достал толстую тетрадь в бордовом сафьяновом переплете, трепетно открыл первую страницу и с умилением прочел ее. Эту страницу надо было написать после путешествия, но он тайно написал ее сразу после банкета в Грэйвсенде, того великолепного банкета, где было так много дам, богатых купцов и опытных мореплавателей... Нет, эта страница согревает его, Ричарда Джексона, придает ему сил, мудрости, ведет к цели.

«Величайшему и славнейшему Якову, милостью Божией королю Англии, Шотландии и Ирландии!

Превосходнейший и грозный государь!

Мой ум, с юности глубоко склонный к познанию мореплавания и географии, часто движим был к серьезным трудам по изучению важнейших вопросов, относящихся к этим наукам. Теперь я считаю себя достаточно сведущим, чтобы представить отчет Вашему Величеству и описать северные страны мира, обозначая каждую лигу⁷⁴, которую я проехал и видел во время моих путешествий. Местности, показанные здесь, но которые я сам не видел и не обследовал, я нанес на карту на основании трудов лучших авторитетов, какие я мог только найти, и если я ошибаюсь, то вместе с учеными Герардом Меркатором⁷⁵, Абрахамом Ортелием⁷⁶ и им подобными. Моя опытность и мои знания побуждают меня поэтому представить Вашему Величеству некоторый опыт в виде настоящих моих записей, касающихся неведомых европейцам земель, а также народов, населяющих их, их обычаев, религий, вооружения, языков и пр. и пр. Я вижу, как своей королевской поддержкой Вы способствуете новым открытиям, и прошу Ваше Величество принять результат моих путешествий как доказательство моей преданности Родине и усердной службы Вашему Величеству, здоровье и счастливую жизнь которого да продлит Господь Всемогуший.

Вашего Величества нижайший подданный

Ричард Джексон»

Перелистнув титульную страницу, Ричард Джексон проверил первую, деловую.

«Во вторник, 28-го, после банкета мы простояли на якоре в Грэйвсенде, запасаясь всем, что нам нужно...»

Перелистнул десяток страниц, нашел нужное:

⁷⁴ *Лига* (морская) – единица длины в системе английских мер, равная 5,56 км.

⁷⁵ *Меркатор Герард* (1512–1594) – фламандский картограф и географ.

⁷⁶ *Ортелиус Абрахам* (1527–1598) – фламандский картограф. Составил первый в мире географический атлас.

«Продолжая путь от упомянутого выше Святого Носа, мы подошли к мысу Милости на широте $66^{\circ} 45'$, близ входа в бухту Святого Николая. У этого берега глубина достигает 126–192 футов⁷⁷, дно песчаное, удобное для того, чтобы бросить якорь. Утром следующего дня к нашему борту причалила русская двадцативесельная ладья, в которой было 24 человека. Шкипер ладьи поднес мне большой каравай хлеба, шесть кольцевидных хлебов, которые у них называются калачи, четыре сушеные шуки и горшок хорошей овсяной каши. Я же дал шкиперу гребень и маленькое зеркало. Он сказал мне, что отправляется на промысел рыбьего зуба, добываемого из крупной рыбы – моржа. После чего я предложил всем выпить. Когда начался отлив, они удалились в очень расположенном к нам настроении. Шкипера звали Гавриил Ломов».

Ричард Джексон вспомнил этого русского человека с большой теплотой. Это была первая встреча в море. Он читал дальше:

«От мыса Милости пошли далее, пока не достигли Крестового острова в 17 милях⁷⁸ к северо-западу и в 61 миле от острова Святого Николая. Здесь мы переплыли на другую сторону бухты и поплыли к юго-западу и на двенадцатый день указанного месяца благополучно прибыли на рейд острова Святого Николая в Русской земле, где мы и стали на якорь, пройдя от родных берегов 1843 мили. Город на Двине зовется Михайло-Архангельск...»

Ричард Джексон оторвался на минуту, прислушался к торговому шуму на пристани и снова погрузился в чтение, вспоминая попутно, не пропустил ли какой-либо важной подробности этнографического или географического порядка.

«Затем я и мои спутники прибыли в город Колмогоры, лежащий на расстоянии 57 миль от бухты Святого Николая на широте $64^{\circ} 25'$. Затем по Двине, которая течет очень быстро, в тот же день проплыли устье Пинеги, по левую руку от нас, в 8 милях от Колмогор. Оба берега реки Пинеги около ее устья очень высоки. Они состоят из алебастровых скал и покрыты лесом, а по всему берегу лежат стволы хвойных деревьев. Так, подвигаясь вперед, мы доплыли до Емца, лежащего приблизительно в 57 милях от Колмогор. Вдоль всего этого пути русские выделывают много дегтя, смолы и золы из осины. Затем в последний день вышеуказанного месяца я прибыл в старинный город, называемый Великий Устюг. Здесь в реку Двину вливаются две реки, одна называется Югом, другая – Сухоной. Река Юг вытекает из страны татар, называемых черемисами, смежной с пермской землей, а Сухона берет начало из озера неподалеку от города Вологды. По этим рекам ходят русские суда, называемые насадами, они очень длинны и широки, крыты сверху и плоскодонны; они сидят в воде не более чем на четыре фута и поднимают 200 тонн, в то время как наше судно „Благая надежда“ поднимает всего 120 тонн. На их судах нет никаких железных частей, но все сделаны из дерева, так что можно подумать, что с железом русские вовсе незнакомы».

Прочитав последнюю фразу, Джексон засуетился, стал лихорадочно доставать перо и чернила, он словно опасался упустить какую-то важную мысль и старательно записал:

«Однако, будучи сей день у местного маршалка – воеводы, он же и городу начальник, я узнал, что у них есть не только кузнецы, изделия коих я во множестве видел в торговых рядах над Сухоной, но и мастера, способные разобраться в таком поистине непростом деле, как часы! Я, естественно, в это не верю и согласился показать одному из названных мастеров поломанные в бурю часы – предмет моей глубокой скорби! Мастер рекомендован самим воеводой. Разумеется, туземец ничего не сделает полезного (да и было бы наивностью ожидать большего!), а дурного я не позволю, поэтому его визит я стану рассматривать как предписанное нашим Уставом знакомство с оригинальным представителем местного населения. Что же касается часов, то я постараюсь в Москве с помощью посла Мерики найти достаточно опытного

⁷⁷ Фут – единица длины в системе английских мер, равная 0,3048 м.

⁷⁸ Милья (морская) – единица длины в системе английских мер, равная 1,853 км.

в этом деле и достойного иностранца – будь то итальянец или голландец, – чтобы он, с Божьей помощью, наладил механизм, и уж после этого дорогая вещь будет поднесена русскому царю. Ах, лучше бы мне утонуть, чем испытывать такое отвращение к самому себе за порученную мне и не сохраненную вещь!»

Ричард Джексон почистил перо, аккуратно положил локоть на стол, как когда-то учили его с братом, дабы почерк был ровнее, и старательно продолжал:

«Любопытна во всех отношениях встреча с воеводой. Он провел меня в деревянный замок, называемый... – Тут Джексон достал записную книжку, посмотрел слово и вывел: – Хоремами. В большой, но невысокой комнате было очень много икон – живописных изображений Бога, святого или святых в золотых и серебряных обрамлениях, называемых окладами. Естественно предположить, что религия должна была размягчить их нравы. Однако, войдя во двор неожиданно, я увидел, как этот воевода – христианин! – собственноручно бил своего слугу палкой. При этом на лице воеводы я не различил никаких соответствующих случаю эмоций, – казалось, что он выполняет такое же незначительное, но неотложное дело, как если бы выколачивал ковер».

Ричард Джексон опустил уставшую руку с пером и прикрыл глаза. Он подумал: как там, дома, его жена справляется с прислугой? А подумав так, он вдруг представил родной Грэйвзэнд, всю семью: жену, сына и двух дочерей. Увидел толпу покупателей в их лавке, которой сейчас остался управлять сын. Увидел экипаж, на котором еще ни разу не довелось проехать по улицам, увидел лошадей... Дело, слава богу, кажется, пошло неплохо... Конечно, печально, что родной брат Уильям погиб в абордажной схватке его корабля с испанским. Печально. Зато все серебро перешло на английский корабль, а друзья брата, истинные джентльмены, отдали пай погибшего ему, Ричарду, наследнику славного конкистадора⁷⁹. Если бы не это наследство, с чего тогда было начинать торговое дело?

В дверь постучали. Вошел посыльный от вахтенного и сообщил, что у трапа капитана спрашивают трое русских: толмач, солдат и старый человек.

⁷⁹ *Конкистадор* (исп. «завоеватель») – участник конкисты – завоевания Америки Испанией и Португалией в конце XV–XVI в.

Глава 10

Да, он ждал их, но все же приход русских был немного и неожидан (только расписался!), и преждевремен. Ричард Джексон отдал распоряжение, чтобы минут через пять к нему провели кузнеца с переводчиком. Когда посыльный вышел, Джексон заволновался, почувствовал себя неготовым принять русского мастера, вероятнее всего, потому, что он не знал русского характера и боялся отдавать часы в ремонт кузнецу.

Но вскоре раздалися шаги на палубе. Джексон поправил белый отложной с кружевами воротник, затем прицепил к ленте через плечо шпагу. Подтянул пояс на панталонах, пышно набитых ватой, простеганных, шитых золотыми нитками по шелку и украшенных снизу кружевами. «Ох уж эти панталоны! – подумал Джексон, не будучи снобом. – Из-за этой моды пришлось в парламенте расширять кресла для делегатов». В карман камзола он положил большой носовой платок – новинку моды. Глянул на себя в стальное зеркало, подкрутил длинные усы, загнутые концами вверх, расчесал эспаньолку⁸⁰ и нашел себя более respectable, чем при визите к воеводе. Однако и этого Джексону показалось мало – мальчишество, что ли, нашло на него? – он достал поясные часы «нюрнбергское яйцо»⁸¹ (немного таких часов на свете!) и подвесил их к поясу на золоченой цепочке, а еще успел приснуть на себя духами в тот момент, когда шаги пришедших замерли у каюты.

«Ну, посмотрим...» Ричард Джексон шагнул к порогу, как к борту абордажного судна.

Отворив дверь, он увидел бойкого московского толмача Михайлу Глазунова. Тот был переведен в Великий Устюг на три года из Посольского приказа с высоким жалованьем в 40 рублей в год, не считая кормовых по две гривны на день и по портищу сукна ежегодно. Да и стоил того Михайло Глазунов! Слыл он толмачом честным и старательным, поддерживал свою репутацию всячески: и поведением примерным, без пьянства и скандалов, и отказом от иноземных посулов перед таможенными досмотрами да перед взысканием пошлин в государеву казну, и нравом достойным, и знанием дела. Он понимал речь на двух языках, а на третьем, английском, мог изъясняться, за что дьяк Посольского приказа обещал перевести его в переводчики с жалованьем в 75 рублей и держать при себе на Москве для грядущего роста, ежели к наукам будет и дородность в теле.

– Я имел удовольствие встречаться с вами, – заметил начальник экспедиции с легким учтивым поклоном, после того как они обменялись приветствиями.

Ричарда Джексона не смущали ни произношение, ни костюм толмача, впрочем довольно сносный для этой земли и представлявший, как успел он заметить, нечто среднее между костюмами боярских детей и мелкопоместного дворянства, коих он наблюдал в Михайло-Архангельске, Емце и здесь, в Великом Устюге. На толмаче были чистая синяя рубаша и кафтан, на шее – железное ожерелье тонкой работы, в руке он держал красивую шапку с опушкой из рыжей лисы, и все это вместе выглядело так хорошо, свободно и ладно, будто он родился во всем этом. Особенно понравилась Джексону походка толмача – легкая, но степенная, говорившая о сдержанной силе и достоинстве этого невеликородного человека, которому предстоял нелегкий путь по служебной лестнице. Бороду он носил недлинную, но не настолько, чтобы вызвать неудовольствие начальства, волосы, – наоборот, стриг коротко, показывая тем самым свою близость по чину к высокородным и сильным людям.

– Это кузнец Ждан Иванов, великоустюжского посада тяглой человек. Понимаете? – сказал толмач и отступил в сторону, представляя кузнеца.

⁸⁰ Эспаньолка – короткая и узкая остроконечная бородка.

⁸¹ «Нюрнбергское яйцо». – Часы, изобретенные в XVI в. в Нюрнберге (Германия), имели яйцеобразную форму.

Но этого не требовалось: Ждан Иваныч был на две головы выше толмача, и Джексон уже с интересом рассматривал его.

– Понимаю. Благодарю вас.

– Хороший мастер, – продолжал толмач, поддерживая беседу. – Он готов исполнить ваш заказ.

Ричард Джексон и Ждан Виричев смотрели друг на друга. Ждан Иваныч с интересом рассматривал костюм иноземца, не дивясь и не хихикая в душе, понимая мудро, что сколько на белом свете вер, столько и штанов. Англичанин же старался понять этого спокойного, с виду очень бедного человека. В глазах старика он прочел ум, энергию. По рукам и особенно по характерному дымно-железному духу, что исходил от однорядки и лаптей кузнеца, он понял, что этот человек имеет дело с горячим железом.

– Спросите его, может ли он починить часы?

– Не знаю, – ответил старик, когда толмач перевел. – Во всяком деле досмотр нужен.

Англичанина ответ не удовлетворил. Он уже был склонен оставить затею с починкой часов, только потолковать на разные интересующие экспедицию темы, в том числе и бытовые, но, как воспитанный человек, решил довести разговор до логического конца, то есть, по его мнению, до отказа кузнеца от непосильного дела.

– Спросите, знает ли он, что такое часы? – Но тут же уточнил: – Спросите, чинил ли он когда-нибудь часы?

– Приходилось. Можно и твои посмотреть, иноземец хороший, – сказал Ждан Иваныч.

Он засунул шапку за пояс и, освободив руки, вытянул их ладонями вверх, – сильные, надежные, как бы говоря: «Ну, где же они, твои часы?»

Ричард Джексон ничего подобного не ожидал, и, повинувшись этому властному жесту вытянутых рук, он отступил в угол каюты и достал ящик, в котором, обложенные ватой, лежали часы в футляре красного дерева. Оглянулся. В лице старика по-прежнему были спокойствие и почтительное ожидание. Англичанин помедлил, вздохнул и достал сокровище.

– Прошу взглянуть, – изменяя английскому спокойствию, сказал он дрогнувшим голосом и положил часы на стол. – Вот сюда! – указал он на скамью, намертво привернутую к стене и полу.

Ждан Иваныч перекрестился. Сел. Замер. Перед ним лежали часы. Это редкое творение чьих-то человеческих рук, ума, почти живое чудо одухотворенного человеком металла, несколько лет назад поразившее старого кузнеца, теперь вновь действовало на него, взволновало, заставило забыть неудобство чужого помещения, разговоры не по чину, заботы по дому, опасность нависшей с утра воеводской грозы и даже Алешкину крицу... «А вдруг я не умудрюсь? – испуганно подумал он. – Почто, скажет воевода, часомерщиком пролыгался⁸², коли дело не ведаешь? И поставит на правёж...» Но сильнее страха было желание заглянуть внутрь механизма. Какой он там, за деревянной стенкой? Такой ли, как в тех часах, что он уже чинил, или другой, неведомый? Ждан Иваныч нагнулся, вытер руки о подол однорядки и осторожно придвинул часы к себе.

Футляр был сделан красиво. Резной и блестящий, он напоминал двумя башенками воеводские ворота. Крышка, или передняя дверца, была особенно живописна. Ниже стекла на ней была вырезана женщина, привязанная к скале цепями; у ног ее бушевало море, из моря выплывало чудовище с явным намерением приблизиться к женщине. Но в небе, над морским чудовищем, летел воин на крылатом коне и уже заносил меч над головой змея-чудища... За крышку можно было не опасаться: там все кончится благополучно, а вот что сделалось внутри?

Ричард Джексон сел так, чтобы видеть лицо и руки мастера, готовый в любой момент остановить опасные манипуляции русского кузнеца над часами. «А если он сейчас возьмет да

⁸² *Пролыгаться* – лгать, обманывать.

и хватит об пол, ведь я не успею подхватить, да и ручищи-то у него вон какие! А борода-то – вся в подпалинах...»

Поставив часы на основание, напоминавшее ступенями паперть Прокопьевской церкви, Ждан Иваныч откинул медный крючок и открыл крышку. Жалобно и беззащитно глянул серебряный циферблат с золотыми цифрами и стрелкой. Внизу беспомощно висел маятник, а чуть ниже, на золоченых цепочках, – серые оловянные гири. Маятник был отлит в виде скачущего коня, но без всадника и позолочен.

«Ладно отлито, – подумал старик. – И копытца у лошади, и ноздри видно, для пушного виду...»

Однако вредное сейчас восхищение он не пропускал в глубину сознания, только твердил про себя: «Ладно состряпано, гораздо сверчено...», а сам уже весь отдался поиску поломки.

– Не известно ли русскому мастеру, почему остановились часы? – спросил Ричард Джексон.

– Спрашивает, в чем тут заковыка? – перевел толмач.

Ждан Иваныч еще минуты три осторожно вертел это заморское сокровище, рассматривал, прилипнув глазом к отверстию для маятника. Внутри при этом что-то жалобно поднывало, стучало, позванивало. Все это острыми иглами отдавалось в нервах англичанина.

– Вижу – гнездышко разворошено... – вздохнул наконец старый мастер, вдыхая сладостный запах металла, исходивший из утробины часов. Слово «гнездышко» он произнес с какой-то непонятной радостью и вместо буквы «ё» с напором выделял «е». – Гнездышко-то, в котором ушко маятниково сидело, все как есть разорено. Вот, зри, иноземец хороший! Маятник этак не будет маяться ни в жизнь: маху нет...

– Да-а... Гужонка, кажись, порвалась, – пощелкал языком Ждан Иваныч.

Ричард Джексон, а за ним и толмач взглянули внутрь, но ничего не поняли, однако англичанин согласно кивнул и тут же спросил с некоторой надеждой:

– Если устранить эту поломку, часы пойдут?

– Не ведомо... – опять вздохнул старик, когда ему перевел толмач, но не оторвался от часов.

Он весь напрягся, нацелился, развернув к свету потаенную часть механизма, и все цеплял за что-то концом снятого маятника.

– Что-то еще? – с тревогой спросил англичанин.

– Боится, не еще ли разруху отыскал? – перевел Михайло Глазунов.

– Да-а... Гужонка⁸³, кажись, порвалась, – пощелкал языком Ждан Иваныч. – Гужонка, говорю, нарушена, вот и тяги нетути! Я шевелю гнездышком-то, а обороту нетути... Скажи этому немцу: развинтить, мол, надоти, дабы обо всем в них доподлинно дознаться.

Толмач объяснил Джексону, отчего поломка, и тот согласился на детальный осмотр часов.

– Тогда скажи ему, что я домой их возьму, дома и ладить стану, – сказал кузнец.

Михайло Глазунов перевел. Англичанин же молчал, едва заметно кивнув. Задумался. Все было тут неожиданно: и мастер, в которого он все еще не верил, и опасность отдать дорогую дарственную вещь в неизвестные дикие руки, и то, наконец, что этот заросший бородой человек ничему не удивился и, подобно лондонскому почтенному джентльмену, с сомнением врача устанавливает диагнозы и строит предположения. Конечно, они, русские, думалось Джексону, добрый народ, но совсем не такой, каким его представляли в Англии. Что же писали о них господа Уиллоби, Ченслер⁸⁴, Дженкинсон⁸⁵, Бэрроу⁸⁶? Почему же они не встретили такого человека или не могли предусмотреть такого, пусть феноменального, случая? Неужели он, Ричард Джексон, первый, кому выпала удача увидеть русского, который не заслуживает названия пьяницы и дикаря?

За стенкой было слышно, как помощник повара или сам повар – трудно было разобрать – дает отчет помощнику капитана Корнелиусу Остену о закупленных поутру на пристани продуктах, об израсходованных и оставшихся.

Ждан Иваныч бережно уложил гирьки, маятник, затворил дверцу часов и смиренно отошел к двери.

Толмач сказал Джексону о необходимости ремонта и о порядочности мастера. Он чувствовал, вероятно, что англичанин боится за вещь.

«Если бы знать: что на уме у этого бородача?» – думал Джексон, по-прежнему не доверяя. Поколебавшись, он окончательно решил не рисковать и, чтобы сгладить отказ мастеру, что было неловко, весело сказал толмачу:

– Спросите, не желает ли этот кузнец выпить хорошего вина? Или пива? Или того и другого? Я прикажу – и немедленно принесут...

Ричард Джексон был доволен своей находчивостью, но Ждан Иваныч, полагая, что ему сейчас идти с часами, решительно отказался.

– Не-ет, – отмахнулся он. – Не тот у меня рост, чтобы на буднях вино пить. В моем росте от вина рукотрясье беды творит. Скажи: кланяюсь, мол, в благодаренье, но до свершенья дела пить немочно да и не повелось.

Толмач был на высоте. Он перевел:

– Сэр, мастер отвечает, что он не может принять ваше предложение по трем причинам: солидный возраст, при котором мастерам тонкого дела вино сбивает руку, потому еще, что дело не сделано, и, в-третьих, потому, что пить, да еще в будний день, нехорошо.

⁸³ *Гужонка* – цилиндр на болтах в корпусе часов.

⁸⁴ *Ченслер* Ричард (?–1556) – английский мореплаватель. В 1553 г. первым прибыл из Англии в Архангельск, был принят в Москве Иваном Грозным. Положил начало торговым отношениям России с Англией.

⁸⁵ *Дженкинсон* Энтони (1529–1610) – английский купец и путешественник. Четыре раза бывал в России, выполнял дипломатические поручения. Автор записок о России.

⁸⁶ *Бэрроу* Стифен – английский открыватель новых северных земель в XVI в. В плавании в 1557 г. открыл острова Вайгач, Новая Земля, а также пролив Карские Ворота.

Это была еще одна неожиданность. Ричард Джексон подошел к кузнецу. Долго и очень серьезно всматривался в лицо, заросшее бородой, но всматривался теперь с удивлением, а когда молчание стало неудобным, спросил негромко о чем-то.

– Сколько тебе росту, спрашивает, – перевел толмач.

– Росту-то? Не знаю... Седьмой десяток шел, когда Олешка родился, а ему уж у тринадцати годов росту, – ответил Ждан Иваныч.

А когда он заметил, что англичанин недоволен таким ответом, пояснил:

– Часовня, та, где я крестился, за старым Устюгом, там. – Он махнул рукой в сторону Троице-Гледенского монастыря. – Часовня, говорю, та сгорела дотла, и запись моя с той часовой. А когда это было, никто в Устюге не помнит. Никто.

Он склонил голову, тряхнув слегка подпаленной бородой. Покорно опустил тяжелые руки.

Англичанин оценил ум и достоинство русского кузнеца и обернулся к толмачу:

– Скажите ему, что я доверяю таким людям, как он. Более того – я отдаю ему часы на двое суток, но я должен посмотреть, где он живет.

Тут он вытащил свой цветастый платок, вытер от волнения пот и вдруг – такого Ждан Иваныч не ожидал! – высморкался в эту благоуханную красивую ткань, которая стоила небось целых две денги⁸⁷. Но старый кузнец изумился еще больше, когда англичанин, все это скомкав, снова убрал в карман, будто с платком ничего и не случилось.

«Ну и ну-у-у! Вот так мода иномезная! Этак и лягушкам в кармане завестись недолго. Вот робятам-то расскажу, вот ведь дивья-то!» – одним прищуром улыбнулся старик.

Часы до самой избы Виричевых нес матрос судна «Благая надежда». За ним шли Ричард Джексон, Ждан Иваныч и толмач. Михайло Глазунов увидел в торговом ряду стрельца Фильку и сказал тому, что он больше не требуется. Филька обрадовался и, потолкавшись для виду среди мужиков, покричав на них, направился в кабак, желтевший в проулке новым крыльцом.

Ждану Иванычу стало полегче, когда отпустили стрельца: уж больно нехорошо ходить под его алебардой, будто вор или тать⁸⁸ вроде Сидорки Лаптя, что третий год сидит за Пушкарихой в остроге. Однако и после ухода стрельца не удалось избежать людского глаза: уж больно приметен он был в своей старой однорядке около разодетого англичанина.

– Эй, Ждан Иванов! Фряга-то в кумовья набивается или по делу? – крикнул ему Пчёлкин от хлебного ряда.

– Эй, Ждан! – раздался уже позади голос Чагина, всю торговавшего косами, ухватами, топорами. – Скажи робятам, чтобы рубли шли собирать, монахи ждут! А то завтра указ будут говорить!

Разговорами об указе были заняты на пристани все. Мужики сбивались в толпы, размахивали руками и несли, кто во что горазд, разные предположения, а потом, расстроенные донельзя, забывали обо всем и шли в кабак.

На остальных улицах было тихо, только взлаивали собаки, мычали голодные коровы, почуявшие солнце в щелях. На Кузнецкой улице завалилась в лужу свинья и так пригелась на долгожданном солнышке, что даже не шевельнула ухом, когда мимо нее прошли люди. Через дорогу прошла баба за водой, и Ждан Иваныч обрадовался, что первым поперек ее пути прошел не он, а матрос с часами, за ним Джексон и только потом они с толмачом. «Худая примета, когда баба с пустыми ведрами...» – подумал Ждан Иваныч.

⁸⁷ *Дёнга* (с конца XVIII в. – денга) – древнерусская монета, чеканилась со второй половины XIV в. В XVII в. составляла половину копейки.

⁸⁸ *Тать* – разбойник.

У самых ворот своих он остановился. Прислушался. В кузнице ни стуку, ни говору. Гро-
мыхнул кованым кольцом, отворил калитку. Шумила и Алешка слонялись по двору, – видно,
от расстройства было им не до работы. Увидев отца в сопровождении иноземцев и толмача,
они немного повеселели, но с лиц не сошла настороженность. Оба остановились как вкопан-
ные, вытянув шеи.

– Все улеглось, робятушки, все как есть!

Англичанин пожелал войти в избу. Там он осмотрел жилье и записал что-то. Затем взял
из рук матроса часы и собственноручно передал их Ждану Иванычу.

– Я надеюсь, что все с часами обойдется благополучно. Скажите ему, – попросил он
толмача, – что я не останусь в долгу, и чем лучше будет исполнен заказ, тем больше он получит.
Философ сказал: каждый должен хорошим трудом зарабатывать свой хлеб и получать хороший
хлеб за свой труд.

Выйдя во двор Ричард Джексон снял шляпу и поклонился на прощание. В ответ на этот
жест за воротами мальчишки – набежали в одну минуту! – заулюлюкали, прилипнув к щелям
ворот.

– Эй, фряга! А у тебя король Карлус или не Карлус? – кричали они с хохотом.

Шумила вышел и прогнал мальчишек. Потом Ждан Иваныч проводил иноземцев до
калитки и на их поклон ответил своим – искренним и глубоким.

– Ну, робята, теперь только держись! – сказал он сыну и внуку. – Не сделаю – головы не
сносить, вот как подошло...

Глава 11

Воскресный звон застал весь Великий Устюг на ногах. Все готовились идти к обедне и слушать указ, а пока занимались нестепенными делами: кто копался в огороде, кто сек дрова, кто толкался у скотины – и все это по дому, потихоньку, чтобы не прогневить Бога в тот час, когда надо бы по-воскресному стоять у заутрени. Однако утром церкви были пустынные. Лишь десятка два сердобольных старух прошли до острога, отнесли колодникам пироги да квас с луком и завернули на колокольный звон. Остальные ждали обедни.

Ждан Иваныч накануне сидел над часами дотемна, и не потому, что поломка была серьезна, – страх никак не мог обороть. Не один час сидел рассматривал, вздыхал и только после пристального рассмотрения да усердной молитвы решился – разобрал, развалил самозвонное чудо, разложил по чистому, тканному еще старухой полотну и никого не подпускал к столу. Ужинали на лавке. К ночи часы пошли, и тут бы радоваться, но старик еще что-то надумал мудрить с боем, да так ничего и не придумал. Ночь ворочался, бредил воеводой, крицей да фряжским кораблем. На рассвете снова разобрал часы, повозился, потом прикрыл всю хитроумную россыпь часовых поковок полотном и ушел в кузницу. На восходе он сходил к Ломовым, взял у Андрея оставленную накануне крицу и снова заспешил к растепленному горну.

Алешка проснулся и увидел, что в избе нет никого. Вывернулся из тулупа, побежал на двор, поднимая на ходу рубаху. Он вспомнил, что спать ложился без отца, и был этим озадачен. Выбежав из избы, он услышал слабое постукивание в кузнице и направился туда.

Ворота кузницы были распахнуты. Дед почему-то не стоял, а сидел у наковальни на широком пне и что-то мудрил самым маленьким молоточком. Предмет, над которым он трудился, видимо, был мелким, иначе он не склонялся бы так низко, что борода елозила по наковальне, а сухая стариковская спина выгнулась колесом. Порой вся фигура кузнеца замирала в неловкой позе и так оставалась, пока он что-то там примерял, потом следовал шумный выдох – и снова постукивание.

– Деда!

Ждан Иваныч вздрогнул и нахмурился, что редко с ним бывало, если он видел внука.

– Деда, а где тятка?

– В сарае спит. До утра по уезду мыкался.

– Почто?

– Рубли, по полтине с дыма, сбирал, смекай!

Алешка почесался, решил, что завтрак еще не скоро, и убежал на улицу. Не прошло и четверти часа, как он снова влетел во двор, перебежал зазеленевший лужок и снова вырос на пороге кузницы.

– Деда! Народищу нашло! Уездных – целая туча! Право! На пристани спали и еще идут! У Михайлы-Архангельского черно стоят! Робята кричали, что все улицы запрудят. Указ, слышно, говорить станут с паперти. Пойду тятку разбужу! А ты чего же, деда?

Старик не оторвался от дела.

– Дед Григорий и тот выполз на завалину, хотел идти тоже, да дядька Андрей не пустил. Пойдем скорей, деда!

– Ступай, ступай, мне некогда! Батьку буди. Услышите – мне скажете...

– А ты?

– А я тут побуду. Дело не терпит, смекай!

– Ой, скорей надо!

– Смотри, ноги бы не отдавили! – крикнул старик вслед внуку, а сам подумал: «Сколько этих указов переговорено!»

– Не! Мы на деревьях!

Народу вывалилось на улицы и нашло из уезда, как в Пасху, только не было на лицах ни тишины, ни священной благодати. Толпы гудели, собираясь на набережной, но в рядах было спокойно. Там стояла тишина на горе купцам, но сейчас было не до покупок. Больше всего дивились целовальники⁸⁹: столько народу, а в кабаках пустота. И народ всё праздный, шатающийся, многие вместо лаптей, как в храмовый праздник, сапоги натянули, однорядки новыми кушаками подпоясали, таких заманить бы да обобрать до креста, а они купнятся, что пчелы, и все про указ твердят, а пива и вина будто и нет вовсе для них. Вот ведь напасть какая!

Где-то с середины обедни показались из домов степенные устюжане – посадский, торговый люд. Запахло дегтем от смазанных сапог. Шли с достоинством некабальных людей. Но вот повалила с набережной толпа – всем хотелось занять места поближе к паперти, но где там! Уездные недаром ночевали на пристани да в церковных сторожках: они загодя позанимали все ближние места. Уселись на половиках рогожных, дабы сыра земля холодная не высосала жизнь; примостились на плетеных корзинах, набитых домоткаными полотнами; восседали мужики на узлах с зерном; многие догадались прийти в зимних, бараньего меха однорядках и, расстелив их, усаживались серьезно и домовито с пирогами и квасом.

Обедня началась после девяти, а кончилась уже в начале двенадцатого – видимо, великий людской собор в монастырском дворе поторапливал священника. Кроме того, всем, кому был известен указ, хотелось поскорей покончить с обнародованием листов и разойтись по домам на воскресный обед.

И вот затихло все в душной церковной утробе. Зашевелились в дверях богомолыцы, освобождая церковь. Осыпались под их напором нищие с паперти. Еще народ навалился на передние ряды ожидавших, освобождая паперть.

Из церкви вышли священники, два игумена, стрелецкий голова, несколько дворян, дьяк, подъячий, стольник Коровин и сам воевода. Вперед робко вышел подъячий Онисим Зубарев. В руках он держал листы царева указа. Листы дрожали не от ветра – от волнения великого да от той большой чести, что никто другой, хоть и есть высоких мест служивые и жилецкие люди, не читает ныне указ.

Онисим видел, как поедают его глазами люди, как охают восторженно, – знали, кому давать посул! Но не веселило сейчас подъячего их внимание, лучше бы не ему, а кому-то другому читать этот указ. Видно, не скрыть было Онисиму своего волнения, и передалось то волнение в народ. Напирали задние ряды. От монастырской трапезной прибежали стрельцы, оградили протазанами паперть, постращали, но не успокоили, лишь приглушили ропот. С березы сорвался чей-то мальчишка – хорошо невысоко! – треснул сук, и шмякнулся живой комок оземь. Не успел дух перевести да заохать – получил затрещину и уполз к ограде, держась за брюхо, – струхнул.

– Тихо там! – зычно крикнул воевода. – Внимайте все цареву указу!

Он толкнул подъячего в бок: начинай!

Онисим побелел. Несколько раз хватил в грудь воздуха, но начал тихо и лишь после того, как прочитал половину титула, голос его немного окреп. Игумен наклонил митру⁹⁰ к голове воеводы, сказал что-то.

– Начни снова, да громче! – приказал воевода Онисиму.

Онисим послушно начал снова:

– «Мы, Божией милостью Великий Государь Царь и Великий Князь Михаил Федорович, всея Руси Самодержец Владимирский, Московский, Новгородский, Царь Казанский, Астраханский, Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Тверской, Югорский, Перм-

⁸⁹ *Целовальник*. – 1. Разрубный целовальник – выборный земством, ведал разрубом, раскладкой налогов по дворам, и осуществлял полицейский надзор; 2. При каждом государственном кабаке состоял кабацкий целовальник, сдававший деньги в казну. При избрании они целовали крест – отсюда «целовальник».

⁹⁰ *Митра* – головной убор епископов, игуменов и других высших служителей церкви.

ский, Вятский, Болгарский и иных Государь и Великий Князь Новагорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Лифляндский, Удорский, Обдорский, Кондийский и всея Сибирския земли и Северный страны Повелитель и Государь Иверския земли, Карталинских и Грузинских царей и Кабардинский земли, Черкасских и Горский князей и иных многих государств Государь, Повелитель и Обладатель, пишем всесветно.

За грех всего православного христианства Московское государство от польских и литовских людей и от воров разорилось и запустело, а подати всякие берут с иных по писцовым книгам, а с иных по дозорным⁹¹, иным тяжело, а другим легко. Дозорщики, коих после московского разоренья посылали по городам, дозировали и писали за иными по дружбе легко, а за другими по недружбе тяжело, и от того Московского государства всяким людям скорбь конечная. Из замосковных и из других заукрайных городов посадские люди многие, льготы себе, чтоб в городах податей никаких не платить, приехали на Москву и другие города, да и живут здесь у родни и друзей. Из иных заукрайных разоренных городов посадские и всякие люди бьют челом, чтоб им для разоренья во всяких податях дали льготы. А иные посадские и уездные люди заложились в закладчики за бояр и за всяких людей и податей никаких вместе со своей братьей, с посадскими и уездными людьми, не платят, а живут себе в покое. Другие многие люди бьют челом на бояр и всяких чинов людей, жалуются на насильство и обиды, просят, чтоб их от сильных людей оборонить.

Великий государь с отцом своим, со всем освященным собором, с боярами, окольничими, думными и со всеми людьми Московского государства, учиня собор, о всех статьях говорили, как бы это исправить и землю устроить, и, усоветовавши, приговорили. Которые города от литовских людей и от черкес были в разоренье, в те города послать дозорщиков добрых, привести к крестному целованию, дав им полный наказ, чтоб они писали и дозировали все города вправду, без посулов. А которых украинских городов посадские люди живут в Москве и по другим городам, тех, ссыскивая, отсылать в те города, где они прежде жили, и льготы им дать, смотря по разоренью. А которые посадские и уездные люди заложились за митрополитов и за все духовенство, за монастыри, за бояр и за всяких чинов людей, тем закладчикам всем быть там, где прежде были, а на тех людей, за которыми они жили, доправить наши всякие подати за прошлые годы.

На сильных людей во всяких обидах мы велели ссыскивать и указ по сыску делать боярам своим, князю Ивану Борисовичу Черкасскому и князю Даниле Ивановичу Мезецкому со товарищи, а из всех городов, для ведомости и устройства, указали мы взять в Москву из каждого города из духовных людей по человеку, да из дворян и детей боярских по два человека добрых и разумных, да по два человека посадских людей, которые бы умели рассказать обиды, насильства и разоренья и чем Московскому государству полниться, ратных людей пожаловать и устроить Московское государство так, чтоб пришли все в достоинство...»

– Шапку сними, нехристь! – вдруг рявкнул воевода на кого-то из подошедших в заднем ряду, у самой ограды.

Для Онисима это было кстати. Он передохнул, пошевелил одеревеневшим от сухости языком и продолжал после воеводского тычка в бок:

– «Известились мы, что в городах воеводы и приказные люди наши всякие дела делают не по нашему указу, монастырям, служилым, посадским, уездным, проезжим всяким людям чинят насильства, убытки и продажи великие, посулы, поминки⁹² и кормы берут многие. Вели-

⁹¹ *Дозорная книга* – составлялась писцом дозорным, то есть обследовавшим села и деревни и составлявшим списки населения для налогообложения.

⁹² *Поминки*. – В первой половине XVII в. продолжались набеги крымских татар и угон в плен русских людей – за это время угнали 200 тысяч. Чтобы предотвратить нашествие, русское правительство посылало крымскому хану «поминки» – дорогие подарки. Для выкупа пленных с населения России собирался налог, так называемые полоняничны деньги. Здесь говорится

кий государь, посоветовавшись с отцом своим, приговорил с боярами. Послать в города к воеводам и приказным людям наши грамоты, чтобы они насильств и продаж не делали, посулов, поминков и кормов не брали, лошадей, платьев и товаров, кроме съестного, не покупали денщикам, детям боярским – стрельцам и козакам, пушкарям и затинщикам⁹³, из посадов и слобод водовозам и всяким деловым людям хлеб молоть, толочь, печь и никакого изделия делать на себя во дворе, в посадах и слободах не велели, городскими и уездными людьми пашен не пахали и сена не косили. А если в которых городах воеводы станут делать не по нашему указу и будут на них челобитчики, то мы велели взять на них все вдвое, да им же быть от нас в великой опале. Так вы бы, архимандриты, игумены и весь священный чин, дворяне, дети боярские, старосты и целовальники, посадские и уездные всякие люди, воеводам и приказным людям посулов, поминков и кормов с посадов и уездов не давали, лошадей, всякой животины и товаров, кроме съестного, им не продавали. А если станете воеводам и прочим начальным людям посулы и поминки давать и про то сыщется, то все убытки велим на вас доправить вдвое, да вам же от нас быть в великой опале».

Онисим окончил чтение.

– Онисим! Посул верни! – над притихшей толпой раздался голос Чагина.

Больше не было никаких звуков, кроме веселого грачиного грая. Но вот колыхнулась толпа, разбуженная этим криком, и десятки, сотни голосов, сначала различных, а потом слившихся в сплошной рев, оглушили стоявших на паперти:

– Посул верни!

– Государь на нас вдвое доправит!

– В листах про то писано!

– Истинно, доправит!

– Посул, Онисим!

– Посу-у-у-л!..

Онисим попятился к дверям церкви, вмялся между архимандритом и игуменом, только полыхнули их золоченые ризы и скрыли пригнувшегося Онисима.

– Не уйдешь! – совсем близко у паперти раздался снова голос Чагина, низкий, угрожающий голос.

Воевода потрянул рыжей бородой, вскинул руку, как в походе перед войском, и зычно, надрывая голос, прокричал:

– Эй, народ! А ну разбредайтесь в дома свои! Не рвите глотки, аки бараны! Разбредайся, говорят вам добром!

И от окрика этого, за которым послышался и щелк кнута, и глухой стук палок у правёжного столба, на монастырском дворе на какой-то миг вновь установилась тяжелая, острожная тишь, а потом – только топот ног, шепотной недобрый ропот да затравленные взгляды по-над плечами назад.

«Не к добру такое...» – со страхом подумал Онисим.

о подарках в бытовом смысле.

⁹³ *Затинщики* – в XVI–XVII вв. служилые люди, обслуживающие крепостную артиллерию (от слова «затин» – «земли за крепостью»).

Глава 12

Шумила сразу уловил это необычное волнение. Оно передалось, а точнее – родилось вместе с гулом людских голосов в этом знакомом тяжелом духе толпы. «Куда Андрей запропастился? Я видел его с Чагиным...» – думал он, высматривая в пестрой россыпи голов черную голову Чагина и уже по ней надеясь найти низкорослого Андрея Ломова. Но не так-то легко высмотреть нужного человека, когда все мельтешит⁹⁴ перед глазами, да и самого Шумилу толкали со всех сторон, отвлекая вновь поднявшимися выкриками:

– О как!

– Есть у нас заступник – государь сам батюшко!

Мельтешить – надоедливо мелькать, суетиться.

– Ноне, стал быть, за посулы с нас всех их кнутом бити повелит!

– Тихо вы, ироды! Робенка задавили!

Шумила пробился к сторожке у входа в монастырскую ограду, нашел в заборе дыру и вышел на улицу. Народу здесь было меньше. Он остановился, перевязал пояс на однорядке, выколотил об колено шапку, упавшую в толпе и потоптанную. «Надо бы домой заглянуть, старику поведать», – вспомнил он свое обещание, но сначала все же прошел переулком к набережной посмотреть Андрея. Какое-то предчувствие, что нынешний воскресный день не кончится добром, сосало ему сердце.

На набережной вмиг открылись все ряды – и свои и фряжские. Вздонованные толпы и продавцы торговались рьяно, широко, стараясь наверстать упущенное утром. Развеселился даже убитый горем иноземный купец, тосковавший над ненужными ныне изразцовыми плитками. Он занизил слегка цену, и плитка пошла в это воскресенье. Брали ее не от надобности – от сердоболия человеческого, поскольку пчёлкинская плитка была и дешевле, и лучше, и родней: рисунки и цветы на ней все были свои, устюжские, а о словах и говорить не приходилось. Шумила осмотрел иноземную плитку, потом прошел до пчёлкинского прилавка, взял одну, синюю, и поверх каймы прочел: «Спине теплынь – душе светлынь». А в середине плитки сидела на камне девица, искусно изображенная, но в более светлом тоне. В руке девица держала цветы.

– Пчёлкин! – окликнул Шумила. – А это кто так вырисовал? Уж не ты ли сам?

– Не-е! Сын балуется, вот он!

Пчёлкин с гордостью положил руку на хрупкую спину подростка. Тот поднял полусонные, отрешенные от всего мира глаза, посмотрел сквозь Шумилу.

– Иконы бы писал, монахи большие рубли платили бы, – заметил Шумила между прочим, отыскивая глазами черную голову Чагина.

– Иконы пока не смеет, а вот печку и стены все закрасил в цветы да травы, а где и людей пристроил. Приди полюбуйся.

А вокруг гудела по-торговому развязная толпа. Мальчишки скатывались по береговому откосу к реке, визжа, брызгались холодной водой. Те, что постарше, толкались в рядах, разглядывая иноземные товары, или тешили пустое беззлобие, и несло отовсюду:

– Эй, фряга! Подкрути-ко усы!

– Фряга, фряга, обрезанные порты!

– Фряга, а фряга! А шляпу тебе дал король Карлус или не Карлус?

На набережной, близ судна «Благая надежда», стоял Ричард Джексон. Он внимательно и беспокойно смотрел на возбужденную толпу. Ему, моряку-путешественнику, младшему брату знаменитого конкистадора, повидавшему немало стран, островов и разных народов, волнение

⁹⁴ *Мельтеши́ть* – надоедливо мелькать, суетиться.

толпы на набережной показалось подозрительным. Эта беспорядочная беготня, эти лица, эти, наконец, безумные крики смешивались в недобрую, рокочущую тучу. Но вот Джексона окружили мальчишки. Один подросток стоял прямо перед англичанином и трогал его за рукав, о чем-то спрашивая. Джексон крикнул толмача. Тотчас подошел Михайло Глазунов с намерением отогнать ребят, но Джексон попросил его участвовать в беседе.

– Он спрашивает, – указал Глазунов на рыжеватого крепыша-подростка, – ходили ли вы Студеным морем⁹⁵ на восход?

– Нет, на восток дальше я не ходил. А разве там можно пройти? – спросил англичанин, используя любую возможность разузнать хоть что-то о северном пути в Азию.

– Раз вода ести – можно пройти, – твердо ответил парнишка, заложив руки за спину и запрокинув голову, чтобы хорошо рассмотреть англичанина.

– А ты бы пошел? – спросил тот.

– Пойти можно, был бы корабль, – степенно ответил молодой собеседник.

– А зима застанет, что есть будешь?

– А еду я в снегу найду. Давай поедем вместе, поведаю.

– Спасибо... А куда бы ты поехал? – спросил Джексон, снова насторожившись.

– Знамо куда – в Китай! У них там города есть, гораздый город, Камбалика⁹⁶ зовется!

– Ты знаешь Камбалику?

– Слышал. Летось тут купец из Стекольны⁹⁷ про тот город говаривал.

Джексон задумался.

– Так ты думаешь, можно по Ледовитому морю в Китай приплыть? – спросил он серьезно.

– И в Индию. Купцы летось споровались на набережной, я слышал, как толмачи бубнили.

– И до чего же они договорились?

– А кто их знает!

– Почему же купцы не едут туда?

⁹⁵ *Студёное море* – Белое море.

⁹⁶ *Камба́лика* – Пекин.

⁹⁷ *Стеко́льны* – Стокгольм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.